

Я тебя присвою

Автор:

Елена Тодорова

Я тебя присвою

Елена Тодорова

Неоспоримая #3

Все называли ее Барби. Красивая, тихая, правильная девочка из семьдесят второй квартиры...

Я вырвался из того старого убогого района. Добился всего, к чему когда-либо стремился. Но ее из души так и не вытравил. Да и не пытался... Я всегда знал, что заберу ее. Время пришло.

Елена Тодорова

Я тебя присвою

Пролог

Снова он. Этот жуткий бритоголовый тип на сверкающей иномарке. Кого он высматривает у нашего разбитого барака? Долго его не было. Очень долго. И вот опять! Третью неделю дежурит. Какой-то ненормальный!

Почему я каждый раз на него натыкаюсь?

Он пугает буквально до дрожи. Вот и сейчас по спине озноб сползает, пока я стараюсь как можно скорее скрыться за хлипкой дверью подъезда.

Только бы следом не пошел! У нас убивать будут – никто не высунется, чтобы помочь.

Господи...

Так несусь по расшатанной деревянной лестнице, грохот на весь дом стоит. В квартиру влетаю, тяжело и шумно дыша. Прислонившись спиной к двери, прикрываю глаза и пытаюсь вернуть сердце к нормальному режиму работы.

– Барби, ты?

– Да!

Отлепившись от потертого, дерущего голые плечи дерматина, скидываю балетки.

– В зал проходи!

Куда еще я могу войти, двигаясь непосредственно из прихожей? Не в кухню же! Туалет, судя по положению выключателя, как всегда, дед оккупировал. После него туда еще пару часов не навернуться.

Зал – очень громкое название комнаты, которая в нашей двушке на самом деле проходная. В свою спальню я могу попасть только через нее.

Раздвигая яркую затрапезную занавеску, ступаю вглубь квартиры и столбенею при виде гостя. Высокий широкоплечий мужчина в белоснежной рубашке неторопливо оборачивается на произведенный мной шум, и я, все еще пребывая в полной растерянности, поднимаю взгляд к его лицу.

Дальше все происходит как в чумной латиноамериканской теленовелле, которые так любила смотреть бабуля – обороты вселенной замедляются, воздух между нами трещит и, вибрируя, дает сбои всем остальным процессам.

– Ты же помнишь Андрея Николаевича?

Я помню Андрея. То, что он Николаевич, прошло мимо. И это неудивительно, ведь в нашем доме никто друг друга подобным образом не величает.

– Нет, – зачем-то вру я.

– Андрей? Рейнер? Семьдесят девятая квартира? Ну? – взывает к моей памяти мачеха.

Пожимаю плечами и заливаюсь горячим румянцем, когда на эти броски в сознании возникают картинки, как этот мужчина, тогда еще взрослый парень, спас меня, десятилетнюю, от собак, а пару лет спустя с такой же легкостью избавил от настырного внимания со стороны группы подростков.

Смотрю на него и начинаю дико нервничать.

Воспоминания о нем отчего-то крайне волнующие. Рейнер никогда со мной не разговаривал, но я очень часто ловила на себе его взгляды. Иной раз он мне подмигивал. А однажды, кто-то из его дружков, когда я поздно возвращалась со школьной репетиции, выкрикнул: «Не вздумай, Шима! Это девчонка Рейнера».

Я же его откровенно побаивалась. Потому что репутация у него дурная была. Бабушка всегда остерегала: «наркоман, уголовник, бандит»... Сейчас всего не вспомнить. Кажется, слишком много времени прошло. Соизмеримо с моими девятнадцатью годами жизни – очень-очень много.

– Не помнишь? Ну, пять лет, как-никак... – подсказывает тетя Люда.

Да, наверное, пять. Об Андрее и так ходили жуткие слухи, а потом, когда он исчез, стали поговаривать, что «закрыли» его. Вот после этого я и слышала «девчонка Рейнера». А теперь...

– Андрей Николаевич сейчас важный человек в городе, – с заискивающей ухмылочкой оповещает мачеха.

Да я и сама вижу, что не на заводе, как отец, вкалывает. Высшим классом от него, вкупе с дорожным парфюмом, так и несет. Как и опасностью. Не могу объяснить, что именно меня в нем настораживает. В богатстве нет ничего криминального. А вот в самом Рейнере...

Захлебываюсь очередным вдохом и срываюсь на слишком частое дыхание.

Не могу выдержать мужской взгляд. Малодушно отвожу свой в сторону. К сожалению, это слабо сбавляет застывшее вокруг нас напряжение. Насыщенный горьковато-терпкий парфюмом заполняет все пространство нашей убогой квартирki, забивает легкие и действует внутри меня, как аллерген.

Зачем он продолжает смотреть?! Разве не в курсе, что столь пристальное внимание – неприлично?!

Наивно радуюсь, когда тетя Люда, расшаркавшись перед гостем, увлекает меня на кухню, якобы, чтобы приготовить чай.

– Знаешь, зачем он здесь? – шепотом выдыхает мне в лицо мачеха, обдавая чуть заметными парами вчерашнего перегара.

– Откуда мне это знать? – безуспешно дергаю руку, в которую она вцепилась, будто клещами.

– Он приехал за тобой!

– Что за вздор?

– Поедешь с ним. И не выпучивай мне тут глаза! Ничего ужасного он с тобой не сделает. Я тебя столько лет кормила, пора и честь знать! В стране кризис, отцу жалкие копейки платят, а Рейнер такую сумму предложил... – я буквально цепенею от ужаса и могу лишь беспомощно глотать колкий воздух, глядя в горящие алчным безумием глаза мачехи. – Полгода потерпишь. Переживешь! Ничего тебе не будет. Зато отца прооперируем, ремонт сделаем... Да что там ремонт! Мы новую квартиру купим в нормальном районе...

– Теть Люд, вы что... Вы что... – голосовые связки никак не желают включаться в работу.

– Отцу ничего не говори. Ему волноваться нельзя, помнишь, да?

– Теть Люд... Теть Люд...

– Ну, что ты заладила мямлить? Будто я тебя Ворханову отдаю. А он, между прочим, тоже интересовался... – при упоминании последнего, меня от омерзения натуральным образом колотить начинает. – Давай, иди, собирай вещи. Не будешь душой, еще и на институт себе выторгуешь, – добивает мачеха, растирая мою больную кровоточащую мозоль. – Умом не получается, красотой бери! Смазливая же, как кукла... Все при тебе, Барби, – из ее уст это никогда не звучало комплиментом. – Слышишь меня?

– Слышу.

Папа всегда тихо в квартиру входит, но сейчас, кажется, что входная дверь грохочет, как воротца в железной клетке.

– Отец! Быстро давай, мордаху поживописнее. И не вздумай стоять на своем беспамятстве! Помню, с детства люблю, год тайно на свиданки бегаю... – сердитым шепотом оперативно подсказывает мачеха, пока я, глотая слезы, пытаюсь вернуть себе самообладание. По общему настрою подобный инструктаж ничем не нов, только раньше он не включал посторонних. – Уйми этот рев! Быстро! Не дай Бог, Степан что-то заподозрит... Не дай Бог! Я тебя... – напоследок трясет перед моим лицом мясистым указательным пальцем. И меняя голос с придушенно-злого шипения на слащаво-ядовитую перепевку, зовет отца: – Степа, мы в кухне! Иди скорее сюда. Новости – умереть не встать!

Глава 1. Барби

Скажи мне, мама, сколько стоит моя жизнь?

Шесть месяцев... Ровно столько я пробуду рядом с Рейнером. Таков срок заключенного договора. Два дня спустя это все еще кажется немыслимым.

Боже, помоги мне...

Покидая салон иномарки, в сторону которой совсем недавно и смотреть боялась, все еще пытаюсь понять, что именно это значит лично для меня? Как сильно на мне отразится то, что будет происходить в этом доме?

– Докурю и принесу твои вещи, – оповещает тот самый жуткий бритоголовый тип, заставляя меня в очередной раз содрогнуться. – Можешь входить. В кухне найдешь Светку, она тебя в курс дела введет. Рейнер будет только вечером.

– Спасибо, Виктор, – машинально благодарю мужчину, хотя мне вовсе не хочется этого делать.

На ватных ногах поднимаюсь по ступеням и, ухватившись за дверную ручку, замираю. Она кажется раскаленной до температуры плавления. Вот-вот, не выполнив предназначенную функцию, согнется в моей трясущейся руке как пластилин. Громко вздыхаю и с усилием поджимаю губы. Конечно же, реальность мое разыгравшееся воображение опровергает – ручка выдерживает, а дверь поддается.

В доме темно, тихо и прохладно. Но едва я ступаю несколько шагов вглубь холла, как пространство разрезает дикое женское верещание.

– Мамочки... – содрогаюсь и, удивляя саму себя, несусь на этот крик.

– Аська, ну едрить твою налево! Что ж ты за недотепа такая? Казанюру шурпы пересолить!!! Я тебя...

– Я же не специально, тетя Свет... Не специально...

– Дурь ты беспросветная! Чтоб тебя от земли оторвало и як гепнуло обратно!

Застываю на пороге залитой солнечным светом кухни. Понимая, что никого здесь не убивают, с облегчением выдыхаю.

– Здравствуйте, – с опозданием реагирую на вопросительные женские взгляды.

– А-а, – после секундной заминки отмирает крикливая габаритная женщина. – Гостя пожаловала... Ну, что ж... Как говорится, милости просим, – приветствует без особой радости.

– Спасибо!

– Как называть тебя?

– Я – Наталья, – нервно сцепляю перед собой руки. – Но все зовут меня Тата... или Барби, – последнее в этом доме как нельзя уместно.

– Ага, – утратив ко мне интерес, возвращается к шурпе. Помешивает большим половником, набирает, пробует и морщится. Я неосознанно тоже. – Ну что мне с этим пересолом теперь делать? – и снова взгляд поднимает. – Меня можешь называть тетей Светой. А эта недотепа – Аська.

– Могу я вам чем-то помочь?

– Сдурела, что ли?

– Почему же? Я к работе привычная. Все умею. Могу вот картошку почистить, – указываю на стоящую на рабочей поверхности корзинку с овощами. – Правда, могу!

– Ага, можешь. Только мне потом хозяин – голову с плеч! Аська, что встала? Давай, яйца взбивай.

И вновь обо мне забывают.

– А что же мне делать? – спустя пару минут повторно рискую подать голос.

– А ты не в курсе?

– Нет, – то ли вру, то ли, и правда, не знаю.

По крайней мере, прямым текстом мне мои обязанности никто не озвучивал. Я, конечно, не дура... Понимаю все. И до последнего противлюсь. Два дня, которые мне удалось выторговать на сборы, ничуть не облегчили принятие сложившейся ситуации.

– Присядь, – кажется, только сейчас тетя Света проявляет ко мне хоть какое-то участие. – Выпей ромашкового чаю, дитя. Это всегда помогает собраться с мыслями и успокоиться. Присядь, присядь... – когда я выполняю эту настойчивую просьбу, оглядывает меня и вроде как осуждающе качает головой. – Сколько лет тебе?

– Девятнадцать.

– Молодая совсем, – прицокивает.

А мне становится очень некомфортно. Не находя словесной реакции на это заключение, предпочитаю, как обычно, промолчать.

Чай выпиваю слишком быстро. Несмотря на прохладу в доме, меня резко бросает в жар. Я моментально потею и начинаю нервно тереть скатерть.

– Позвольте помочь... – уже буквально умоляю. – Дайте какую-то работу! Хоть что-нибудь...

– Что ты? И речи быть не может! Сейчас пойдешь наверх. Примешь душ. Разберешь вещи. Отдохнешь.

Подает Асе знак, и та, тут же бросая все дела, срывается с места и меня за собой увлекает. Поднимаемся на второй этаж и целенаправленно движемся в самый конец коридора.

– Тебе понравится.

– Угу.

Стараюсь не оценивать убранство дома. Меня это не касается, вот и все. Я пробуду тут лишь полгода, а потом... На ровном месте спотыкаюсь и едва не прочесываю носом ковер, когда понимаю, что нахожусь не просто в гостевой комнате.

Это спальня. Мужская спальня.

– А... кто здесь живет?

– Кто-кто? Домовой! – звонко смеется Ася. Я порываюсь вместе с ней засмеяться, но не могу. А уж когда она добавляет: – Хозяин, конечно, – мне становится дурно.

– Но почему я здесь?

– Он так велел, – притихая, с любопытством меня разглядывает, а я никак не справляюсь с эмоциями. – Не сказал?

– Нет... Мы это не обсуждали.

Мы ничего не обсуждали. Мы вообще не разговаривали. Даже представить себе не могу, что буду делать, оставшись с ним наедине, если я и заговорить стесняюсь. А тут еще... замкнутое пространство. Одна кровать.

– Ну... Я пойду, а то тетя Света кричать станет, что долго... А ты тут... Располагайся, короче. В гардеробной, с правой стороны, шмот. Я вчера раскладывала. Для тебя, короче. Андрей Николаевич приказал... Ты чё, реветь вздумала? Да не реви ты!

Легко сказать, не реви.

– Ты... Иди, Ася. Спасибо.

Конечно, я реву. Еще как! Вздрагивая и всхлипывая, оплакиваю проклятую судьбу, которая меня сюда занесла. Я та еще трусиха, но у меня мелькает мысль

сбежать. К несчастью, Я быстро с ней прощаюсь. Стоит лишь представить реакцию тети Люды на долг, который за этим последует... Она сказала, если уйду раньше оговоренного срока, Рейнер с нас не только ту сумму, которую дал, снимет, а еще и сумасшедшие проценты. Такие люди, как он, просто так деньги в долг не дают.

Зачем же... Зачем же она их взяла?

Но все когда-нибудь заканчивается. Сейчас – мои слезы. Через полгода – договор. Нужно просто потерпеть. Я смогу. Я справлюсь.

Прошлепав босыми ступнями в ванную, открываю холодную воду. Долго умываюсь, но лицо все равно остается припухшим и покрасневшим.

Да плевать!

Я для него круглосуточно красивой быть не обещала. Может, даже хорошо... Пусть видит, что получил. Я слабохарактерная, плаксивая, смазливая бездарь.

Выбираюсь из укрытия, но в чужой спальне расслабиться не могу. Не то что зад где-нибудь боюсь приткнуться, мне здесь страшно взглядом за что-то уцепиться.

Ничего о нем не хочу знать! Ничего.

Время тянется беспощадно. К вечеру кажется, что с ума сойду от этого нервного напряжения. Однако и тут меня мой организм обманывает. Остаюсь при здравии.

Значит, не все так страшно.

По крайней мере, до момента, как дверь в спальню открывается, и едва ли не весь проем замещает знакомая мужская фигура.

Боже, он ведь меня переломит...

Глава 2. Барби

Я пришел к тебе из позабытых снов,
как приходят в свою гавань корабли...

© Григорий Лепс «Натали»

Еще до того, как взгляд его встречаю, сердце расходится в груди молотящими ударами. А уж когда зрительный контакт устанавливаю, все внутри обрывается. Инстинктивно хочется натурально заорать, но я не могу совершить даже положенный вдох.

– Здравствуй, Барби.

Правильная воспитанная девочка пытается вытолкнуть ответное приветствие, но перепуганный звереныш не может овладеть голосом. Ни звука не издаю, беспомощно наблюдаю, как Рейнер входит в комнату. Прикрывает дверь и направляется мимо меня в гардеробную.

С запозданием начинаю наполнять легкие кислородом. И с каждым новым вдохом грудь вздымается все чаще и выше.

Кажется, у меня паническая атака.

– Освоилась?

Вопрос прилетает в спину. Я вздрагиваю всем телом и спешу обернуться, чтобы хоть как-то контролировать нахождение мужчины. Андрей снял пиджак и сейчас расстегивает манжеты. Не станет же он полностью раздеваться?

Боже мой...

– Я не люблю резину. Завтра Виктор отвезет тебя в клинику. Там тебе какой-то препарат шыранут, чтоб избежать ненужных последствий, – сообщает будничным тоном, а у меня кожа огнем загорается.

Это то, что я думаю?

Среди моих личных внутренних качеств не числится смелости. В очереди трижды отпихнут, я постесняюсь возмутиться, промолчу. Но тут в меня будто другой человек вселяется.

Я собираюсь выживать.

– В этом нет необходимости, – из-за гула в голове едва слышу свой голос, но кажется, он звучит довольно твердо. – В этом нет необходимости, потому что я... Ничего я тебе не дам!

Почти успеваю испытать гордость за проявленную храбрость, как Рейнер тем же бронетанковым составом растаптывает зародившуюся внутри меня уверенность:

– Ничего не дашь? Это как понимать?

– Ничего. Совсем ничего!

Что тут непонятного?

Господи...

Он идет на меня. Подходит слишком-слишком близко, а мне, после череды лихорадочных шагов отступления, попросту некуда бежать. Поясницей в комод упираюсь. Да там и замираю с широко распахнутыми от страха глазами.

– Что же ты здесь делать собираешься, м, Барби?

Разница в росте у нас колоссальная. Впрочем, как и в физической силе. Тут даже думать не о чем! Рейнер перехватывает все пути отступления, выставив с обеих сторон руки. Сжимает ладонями комод, едва ли не до треска, и чуть склоняет ко мне голову. А я... Я даже до плеча ему не доросла. Все, что вижу – это натянутую на рельефной груди белизну рубашки. В глазах мгновенно начинают мельтешить черные точки. Бегая взглядом, то и дело утыкаюсь в распахнутый ворот, из которого виднеется смуглая кожа и жесткая поросль темных волос.

– Я буду работать на тебя. Дай мне работу, как остальным, – иначе как писк мой голос трудно оценить. – Все, что угодно!

Резко вдыхаю и неосторожно забиваю легкие его запахом. Содрогаюсь от череды неясных ощущений и быстро веки прикрываю, чтобы попытаться нормализовать возникший сбой.

Но где там?

Его горячие губы касаются моего виска, и тут мне уже хочется сжаться до микроскопических размеров и исчезнуть, к чертям.

– Все, что угодно? – его голос звучит приглушенно, и от этого почему-то кажется вкрадчивым и одновременно остерегающим. – Уверена, Барби?

– У меня... У меня рабочие руки... – он смеется, что ли? Но открыть глаза и проверить, смелости не хватает, иначе закончить предложение не смогу. И так едва остаюсь в сознании. – Работающие... Я многое умею. А что не умею, быстро научусь... Клянусь!

Сейчас лишь хочу, чтобы он отошел от меня. Как можно дальше. Но Андрей замирает и не двигается. А я словно приговора жду.

– Ты будешь делать то, что я тебе скажу.

– Конечно, – с облегчением распахиваю глаза. – Конечно! Обещаю!

– И первым делом, завтра поедешь в клинику, – в знак протеста у меня вырывается какой-то крякающий звук. – А сейчас... – он отодвигается. Отходит немного в сторону. Я же из-за растущей паники все равно продолжаю дрожать. – Переоденься и спускайся ужинать.

– Зачем тебе это? – чувствую, что еще немного – упаду на колени и в рев пущусь. – Я тебе не понравлюсь.

– Ты мне уже нравишься, Барби. Не стоит попусту сырость разводить. Я хочу тебя. И я тебя попробую.

– Я ничего не умею...

Рейнер напрягается. Кажется, именно сейчас, не совершая никаких определенных действий, он таит реальную угрозу.

– Мне не нужно, чтобы ты умела, – припечатывает каким-то невообразимо тягучим тоном. Дух захватывает только от его воздействия. А он, черт возьми, еще и взгляд не отводит. Терзает. – Чтобы ты понимала, как сюда попала... Купчиха по району ходила и приценивалась, кому тебя подороже продать, – при упоминании мачехи у меня внутри все холодеет и льдинками осыпается.

Тетю Люду за спиной Купчихой называют, потому что она продает все, что можно продать. Дед делает поделки из спичек, она умудряется толкать даже их. Иногда без спроса. Он потом орет на всю квартиру, а ей хоть бы хны... В позапрошлом году мачеха продала импортное пальто, которое мне чудом перепало при разделе гуманитарной помощи малообеспеченным семьям. И подобных ситуаций не перечесать... Но такое... Неужели Рейнер правду говорит? Тяжело принять, и все же вынуждена признать, тетя Люда не самая высокоморальная личность. Недавно во дворе услышала едкий шепоток: «Степану грыжу вырежут, она и ее продаст». Стыдно так стало! И до слез обидно... Потому что все эти шуточки имеют веские основания.

– Откуда ты знаешь? Я не верю...

Слишком сложно принять озвученные факты перед Рейнером. Одно дело для себя, а перед ним... Я со стыда сгорю!

– Твое право.

– Откуда знаешь? – упорно ставлю под сомнения его слова.

Хочу, чтобы взял их обратно. Пусть это будет совсем необоснованно.

– Я наблюдал за тобой.

У меня на глазах слезы выступают. Из груди вырывается задушенный полустон. Чтобы возобновить дыхание, приходится приложить немало усилия.

– Зачем? Зачем ты наблюдал за мной? Зачем?

– Потому что ты принадлежишь мне, Барби. Всегда принадлежала мне.

– Это неправда. Неправда... Я же... Я тебя не знаю. Никто тебе меня не обещал. Я не обещала... – на этих словах я, вероятно, краснее свеклы становлюсь.

А ему будто это нравится. Не знаю, как объяснить... Но чувствую это по его, как будто жадному, заgreбущему взгляду. Он меня им словно трогает... Да, ему нравится мое смущение.

– Я не могу отпустить тебя, Барби. Да и подумай хорошо, хочешь ли ты на самом деле обратно?

Вопрос весомый. После всего, что было озвучено, мне действительно стоит задуматься. Дома теперь небезопасно.

– У тебя пятнадцать минут. Приведи себя в порядок. Подумай о том, что я сказал. Буду ждать внизу. Если не спустишься, поднимусь и сам сниму с тебя это тряпье.

Андрей выходит, а я... Несколько минут я могу лишь плакать. Оплакиваю себя и свою судьбу. Самые близкие люди не оставили мне выбора.

Инстинкт выживания и навязчивое чувство ответственности заставляет двигаться. Так быстро я еще никогда не переодевалась. Не глядя, срываю с плечиков первый попавшийся пестрый балахон. Руководствуюсь лишь тем, что его проще всего надеть.

Что это за тряпка вообще? Да плевать.

В дизайнерском платье и с зареванным лицом, на ослабевших ногах спускаюсь вниз.

Я пытаюсь есть, но горло такой спазм сдавливает, что трудно проталкивать даже маленькие кусочки. Скорее делаю вид, что поглощаю пищу, чем реально ем. Ковыряюсь в тарелке вилкой, размазываю содержимое в кашу, нанизываю

крошечные кусочки и долго-долго жую. Крупными глотками пью вино. Пока бокал не отбирают. Не хочу смущаться еще и по этому поводу. Я не алкоголичка, хватит в нашей семье краснощекой и огнедышащей тети Люды. Могу пригубить на каких-то празднованиях. А они у нас случаются крайне редко. Сейчас же я просто ищу различные способы, что справиться.

Когда заканчиваем, в спальню возвращаемся вместе с Андреем.

Все это время мой мозг лихорадочно работает, пытаюсь нащупать тактику дальнейшего поведения. Вот только я, должно быть, действительно очень глупая, ничего толкового на ум не приходит.

– Иди в ванную. Набери воду и забирайся внутрь. Я сейчас подойду.

Да уж... Первым инстинктом я готова бежать обратно вниз. На улицу, на дорогу, в любую сторону... Куда угодно! Только бы подальше от него.

– Я не пойду... Не хочу я ни в какую ванную! Пожалуйста, оставь меня в покое...

– Не испытывай мое терпение, Барби. Иди в ванную, пока я не поволок тебя туда силой.

– Так значит?

Мысль о том, чтобы раздеться перед мужчиной, приводит меня в безграничный стыд.

– Делай, что говорю, – впервые его голос звучит жестко.

Я никогда не была кровожадной. Я же трусиха, помните? Но сейчас... если бы могла, то хотела бы причинить ему физическую боль.

«Набери воду и забирайся внутрь...»

Прикрывая дверь в ванную, так и делаю. Затыкаю слив, открываю воду, регулирую температуру и забираюсь внутрь... в платье. Я, конечно, не дура, но по факту, указания раздеваться не прозвучало.

В ожидании появления Рейнера, прикрываю веки и откидываю голову на бортик. Гудит в ней, как в улье. Собраться с мыслями никак не получается. Я в ужасе от происходящего. Просто не верю, что все это происходит в реальности...

Он мне снился. Не в эту, и не в прошлую ночь. До нашей встречи, которая случилась три дня назад. Много раз...

Он мне снился...

Глава 3. Барби

Я, я просто сгорела...

© Пропаганда «Яблоки ела»

Дверь в ванную открывается. И я медленно разлепляю веки. Ползу осоловевшим взглядом вверх по широкой груди Рейнера. Заторможено дрожа ресницами, прослеживаю за тем, как мышцы его лица приходят в яростное движение, а потом будто каменеют. В глазах огонь разгорается.

– Какого хрена ты делаешь?

Секунды превращаются в тягучую вечность. Я вся сжимаюсь: внутренне и внешне. Ищу какие-то оправдания. Лихорадочно слова подбираю. Но когда Андрей шагает ко мне, извергаю лишь дикий пронзительный вопль.

Он сдавливает мои плечи ладонями и рывком тянет меня из воды. А я... просто продолжаю орать и отчаянно сопротивляюсь. Пытаюсь поймать опору ступнями, вцепляюсь мокрыми пальцами в плотную мужскую рубашку. На эмоциях, будто в клочья ее изорвать хочу. Добиваюсь лишь того, что отрываю пару пуговиц.

Борьба между нами разыгрывается отчаянная и оттого крайне яростная. Вода разлетается, словно за гребными винтами корабля. Вижу и чувствую, что Рейнер полностью мокрый. Не только его чертова рубашка. Со злого лица капли

стекают.

Хоть мной движет страх, ощущаю небывалую силу и взрывные вспышки адреналина. Но торжество оказывается очень краткосрочным... Потому как Рейнер сдавливает мне ладонью шею и заталкивает меня под воду. Разбиваясь от ужаса, инстинктивно успеваю задержать дыхание. Но и эта сознательная бессознательность длится недолго, потому что буквально через пару секунд чувствую вторую ладонь Рейнера у себя между ног. Он сует ее непосредственно мне под платье, к самой сокровенной части моего тела. Поддаваясь панике, забываю о самосохранении и выживании. Шок охватывает такой, что я, находясь под водой, распахиваю и рот, и глаза. И, конечно же, захлебываюсь.

Давления с его стороны тотчас исчезает. Я вынырываю и, содрогаясь, словно выброшенный под дождь котенок, начинаю надрывно кашлять и отплевываться.

– Успокоилась?

– Д-да...

– Сейчас включи мозги и скажи мне, что в курсе того, какие могут быть последствия, когда спишь в ванной? Да еще и пьяной...

– Я не пьяная...

– Я спрашиваю, в курсе?

– Д-да...

– Какого хрена тогда вытворяешь?

– Не знаю...

– Поднимайся.

Не могу я выполнить это требование. Физически не могу. Ему приходится помогать. Подтягивая за плечи, смеряет меня тяжелым взглядом.

Даже стоя в ванне, я намного ниже ростом. Чтобы смотреть непосредственно Андрею в глаза, приходится чуть откинуть голову назад. В поисках равновесия, машинально упираюсь ладонями в каменную грудь. Цепляясь пальцами за мокрую ткань, пытаюсь удержаться на подкашивающихся ногах.

– Я просто запаниковала, – нахожу себе оправдание, при этом, сохраняя остатки достоинства, стараюсь, чтобы голос звучал спокойно.

Не хватало только, чтобы Рейнер решил, что я на голову двинутая.

Делаю себе пометку: не пить. Мне не помогает.

Подчеркиваем красным. Дважды.

– Сейчас сними с себя одежду и прими ванну, как человек. Так понятно? Отвечай, пожалуйста, на вопрос, когда я к тебе обращаюсь!

– Да, – выдавливаю, стуча зубами.

Напоминаю себе, что нахожусь здесь по доброй воле. Моя семья, как бы там ни было, нуждается в деньгах. Андрей эти деньги дал. Роли разыграны. Он рассчитывает на определенное поведение с моей стороны.

Я же, вероятно, нуждаюсь в его покровительстве. Куда мне еще идти, если не к нему? С таким долгом – это пожизненные обязательства.

Рейнер предлагает полгода. Я выдержу.

После недолгих внутренних колебаний, опять-таки с его помощью сдираю с себя мокрое платье. Оставаясь в белье, ненадолго отвожу взгляд. Решаюсь и... полностью обнажаюсь.

Впервые оказываюсь перед мужчиной без одежды. Шок парализует тело, расчетливо вычеркивая из сознания происходящее. Я даже прикрыться руками не сразу соображаю. Впрочем, стоит это сделать, Андрей качает головой и жестом требует прекращать детский сад.

Никогда в жизни не ощущала себя страннее, чем в эту минуту. Все мое тело, выказывая стыд и волнение, выразительно дрожит. Но я подчиняюсь, подставляясь под его оценивающий взгляд. С ног до головы покрываюсь багровыми пятнами.

Андрей же совершенно точно моим смущением наслаждается.

– Ты очень красивая, Барби.

У меня есть имя. Я не кукла.

Молчу, опасаясь спровоцировать более активные действия с его стороны. Я пока к этому не готова. Хорошо, что сейчас он просто смотрит на меня. Не прикасается, лишь за плечи удерживает. Слышу свое срывающееся, нездорово частое дыхание и мысленно молюсь, чтобы скорее отпустил.

Мне просто нужно привыкнуть. Я смогу.

– Ну, так что? Закончишь с мытьем самостоятельно? – его лицо остается серьезным, но в голосе слышится насмешка. – Или мне помочь?

– Сама... – едва ловлю дрожащую челюсть, чтобы заставить ее функционировать.

– В этот раз, чтобы без глупостей.

– Хорошо...

Отпускает и тут же вынужденно ловит мое ослабевшее тело. Не давая грохнуться, помогает опуститься в воду. Я сажусь, поджимаю к груди колени и, обхватывая их руками, настороженно смотрю на Рейнера. Пока он... не начинает раздеваться.

С изумлением моргаю, прослеживая за тем, как он разводит промокшие полы и снимает с себя рубашку. При виде поросшей темными волосками рельефной груди, в очередной раз всеми возможными красками заливаюсь.

– Передумала?

Резко отворачиваюсь. Зажмурившись, опускаю голову так, чтобы волосы ширмой закрыли лицо.

Ванна не такая большая, но нас двоих, вероятно, все же поместит. Или не поместит? Хочу ли, чтобы он мне помогал?

Господи, ведь это же Андрей Рейнер! Герой моих девичьих грез... Глупых девичьих грез!

– Ты обещала, что справишься сама, – его голос долетает примерно с того же расстояния. Но шорох одежды больше не слышу. – Начинай, Барби. Если не хочешь, чтобы я тебе помог.

Хорошо, что иногда тело реагирует за нас. Не знаю, откуда берется концентрация в движениях, но руки хватают мыло и мочалку, производят нехитрые манипуляции, и вот я уже рьяно до красных полос растираю кожу.

С облегчением выдыхаю, когда Андрей, оставляя меня в покое, шагает в душевую кабину. Череду активных действий позволяет мне закончить купание раньше него. Рискуя все же разбить голову, резво выскакиваю из ванны и бросаюсь к полотенцам. По пути поскальзываюсь, но каким-то чудом удерживаю равновесие.

Оборачиваюсь махровым полотном. Волосы промокаю уже в спальне. Избегая последующих возможных контактов с Андреем, преодолевая внутренний протест, гашу верхний свет и забираюсь в постель. Сворачиваюсь на самом краю калачиком и, зажмурившись, прогоняю взбудораженные мысли и образы. Того, что он видел меня голой... Того, что между нами должно случится. Его самого... Прогоняю... Безуспешно...

Глава 4. Рейнер

Знай, что я везде.

В нашей, годами готовящейся к сносу, многоэтажке не было нормальных семей. Нормальные в нашем бараке не задерживались, каким бы плачевным ни являлось их финансовое положение. Оценив даже не условия, а скорее контингент, адекватные люди искали любые пути съехать. Бежали без оглядки.

В каждой затхлой квартирке нашего убогого клоповника жили свои демоны. В моей – этим демоном был я. Рос, как принято говорить, безотцовщиной. Мать со мной намучилась. Лишь стоя у нее на могиле, понял все, что не оценил при жизни. Тогда и слова все дошли до сознания, и слезы все вспомнились, когда ловила у порога за руку, просила остаться дома, не ходить, не ввязываться, сойти с кривой дорожки... Только в моем мире, если ворвался под купол, назад хрен вернешься. Я над пропастью прошел, от края до края. Сейчас не знаю, то ли молитвы матери уберегли, то ли сам Бог по нитке провел. Наверное, то и другое вывело.

Барби нравилась многим. На нее толпой заглядывались. Не я один.

Раз мазнул взглядом, и по-любому вернешься досматривать. Наградила природа нереальным сочетанием кукольной и одновременно женственной красоты. Стоило ей появиться во дворе, вся наша дурная компашка стихала. Так и глазели.

Тихая, кроткая и скромная – такой я ее запомнил. Взгляд в землю упрет и едва не бегом мимо нас несется. Случалось, глаза на пару секунд поднимет, глянет взволнованно, а у меня внутри – будто разрыв связок. Ни с кем больше подобного не было. Ни до, ни после.

– А красивая эта Барби, – протянул как-то Шолох, провожая девчонку мутными зенками. – Я бы за ней приударил...

– Зачем?

Уже понимал, к чему этот черт ведет. Мозги сходу закоротило. Но решил уточнить, дабы сразу для всех акценты расставить.

– Ну, и того... А че? Классная...

– Еще раз что-то подобное услышу, я, сука, твой ебальник о бетон оприходу. Размажу до кости, быдло ты безмозглое.

Говорил с выверенным хладнокровием, хотя внутри все так и клокотало. Тогда уже понял, если точнее, то от Сауля набрался, что именно подобным путем проще всего подавить другого человека. Не ором, и даже не благим матом. Интонациями порубать. Силой и, граничащей с дурью, уверенностью.

Шолох сходу обосрался. Но я все же не удержался, размазал его кровяху по бетону. Такая звериная ярость обуяла, как представил, что кто-то к Наташке притронется. Это был мой первый и последний мордобой за девчонку. Жестокий и зрелищный. Все запомнили, не только Шолох.

Никому не позволял ее трогать. И сам не трогал.

Потом ушел. Жизнь завертела. Но за Стародубцевой всегда контроль держал. Человека приставил, он практически круглосуточно шастал на районе. Кроме того, старухе-соседке приплачивал, она едва ли не оперативнее Виктора докладывала, если вдруг что. Иногда и сам ездил на Барби посмотреть. Издали. Сам себе не доверял к ней приближаться. Сейчас понимаю, почему.

Черным демоном в семье Стародубцевых была, впрочем, и сейчас остается, Купчиха. Большой твари среди баб никогда не встречал. Когда пошел слух, что она мою Барби хочет толкнуть за бабло, не раздумывал.

Всегда знал, что заберу ее. Планировал как-то по нормальному. Чтобы как у людей. Видел же, что и без того меня боится.

Вот только по-нормальному я, очевидно, не умею. Привык все за раз нахрапом брать. Думал, заплатил, и она, тихоня, не посмеет мне хоть как-то противостоять. Ни хрена, удивила Барби. Оказалась упрямее и смелее, чем я изначально предполагал. Безусловно, этот набор – не ее природные качества. Результат отчаяния.

Дождаться бы, пока свыкнется с образовавшейся ситуацией... Мне и самому нужна перестройка, едва ли не в другого человека, чтобы не сломать ее.

В полумраке спальни первое, что в глаза бросается – длинные светлые пряди волос на черном постельном белье.

Решаю, что спит. Но стоит подойти к кровати и приподнять со свободной стороны одеяло, вьюном взвизгивается.

– Что ты делаешь? – интересуюсь холодно.

Смотрю в ее глаза и вновь диву даюсь тому, что, невзирая на свой покладистый характер, рядом со мной эта девчонка огнем достает. Прищуриваясь, взглядом останавливаю.

– Ты тоже здесь спать будешь?

– Привыкай, Барби. С сегодняшнего дня мы спим вместе. Ты – всегда голая.

– Это обязательно? Голая?

– Просто сними долбаное полотенце. Комментировать каждое мое слово вовсе не обязательно. Особенно сегодня.

– А что сегодня?

Ты впервые в моей власти.

– Снимай и ложись. Иначе решу, что ты жаждешь полного знакомства. Сегодня. Трону, хрен вырвешься, Барби. Втрамбу в матрас. Пару финтов и потечешь. Сама упрашивать будешь. Понимаешь, о чем я?

Девчонка краснеет. Ползет взглядом по моему торсу, стопорится в районе паха и, прерывисто вздыхая, резко отворачивается. Знаю, что увидела. Полотенце не способно сдержать похоть.

– Снимай, – дожимаю.

Подтягивает одеяло, зажимает его подбородком. Долго вошкается, пока, наконец, не выдергивает полотенце. Бросая его на пол, сообщает шепотом:

– Я – все.

– Я вижу.

– Теперь я могу лечь спать?

– Вперед.

– А ты? Что ты будешь делать?

– Заканчивай испытывать мое терпение, Барби. Оно не железное. Ляг и спи, пока у тебя есть такая возможность.

Отворачиваюсь, чтобы потушить оставшееся освещение.

– Спокойной ночи, – шелестит где-то в темноте.

Не отвечаю. Среди моих исключительных качеств не числится безусловная вежливость. Другим привык крепости брать. И ее возьму.

Глава 5. Барби

Мамочка, что же случилось? Как же мне с этим справляться?

© Краски «Я полюбила бандита»

Чувствую себя животным, которого прививают от бешенства. Еще краше! Меня готовят к совокуплению.

– Как удачно ты ко мне сегодня попала, – с улыбкой проговаривает женщина-гинеколог. – Пятый день цикла – последний, когда можно сделать гормональную контрацептивную инъекцию. Приди ты завтра, пришлось бы ждать месяц.

Да уж, вот так везение... Стою и слова вымолвить не могу. Что тут скажешь?

Похоже, я – то еще несчастье. С моим появлением все смешалось в доме Рейнера. С самого утра переполошила весь дом. Я ведь решила, что без дела сидеть, когда все трудятся, зазорно. Проснулась с первыми лучами солнца. Побаваясь посмотреть на вторую половину кровати, тихо поднялась. Натянула домашние вещи и спустилась вниз. Тряпку и ведро с трудом отыскала. Пришлось прошерстить все подсобные помещения возле кухни.

Терла эти полы, не жалея рук. Кожа сморщилась, покраснела и местами даже полопалась, но я будто помешалась – такую площадь вручную прошла! Так хотела доказать, что могу быть полезной!

Но стоило Рейнеру увидеть меня на коленях с тряпкой, начался третий акт Мерлезонского балета. Орал так, что вся обслуга сбежалась. И все равно тряпку ему у меня вырывать пришлось.

Гинеколог дает мне последние указания, но я ничего не воспринимаю. Некоторые вещи в принципе не понимаю, а уточнять стесняюсь. Молчу, красная как рак. Только киваю. Остается надеяться, что все сработает без меня. Вроде как, так и должно быть...

В доме Рейнера после утреннего скандала со мной никто не хочет разговаривать. Я что-то спрашиваю, они убегают. Даже тетя Света отказывается говорить, Ася только любопытные взгляды бросает.

– Я не уйду. Дайте мне работу!

– Ты с ума сошла, чи шо? – негодует старшая женщина. – Ой, дурнувате... На всех беду накликаешь? Ляж, поспи, щоб у голові ото не колувало[1 - Ляж, поспи, щоб у голові ото не колувало (укр.) – Ляг, поспи, чтобы в голове не рубало.], – отдаленно догадываюсь, что она переключилась на какой-то иной, схожий с русским, язык. – Та не обижайся. Не плачь.

Стараюсь, конечно. Но видимость размывается. Держу эти проклятые слезы, чтобы не капали, но, очевидно, все равно заметно.

– Я не со зла тебя ругаю, – и кричит, как будто я глухая. Догадываюсь, что это манера речи у нее такая, но все равно обидно. Все на меня горланят. Все меня обижают! – Шо ж ты такая нежная? Как ты с Андреем Николаевичем душу в теле удержишь?! Та не плачь, говорю! Не плачь!!! – прицокивает языком и вдруг обнимает меня. – Ну, все, все... Не будь така дурна. Хитростью нужно. Не так. Ой, горе ты луковое... Нам бы только ночь простоять, да день продержаться... И все наладится, – приговаривает, поглаживая меня по плечам. А едва я расслабляюсь, как рявкнет: – Аська, чего застыла? Мели мясо, проныра беспризорная!!!

– Чего вы кричите? Я аж сердце уронила, – бубнит девушка, с той же скоростью трамбуй в кухонный комбайн нарезанные кусочки.

А у меня слезы все куда-то пропадают.

– Пойду я, тетя Свет... – отстраняюсь. – Спасибо вам...

– Да за что? Пойми ты, я бы с радостью дала тебе работу, но не могу. Не могу! Тут у меня руки связаны.

Киваю и выхожу. Но в комнату не поднимаюсь. Двигаюсь на выход.

Во дворе снуют какие-то люди, я на них внимания не обращаю. По крайней мере, делаю вид. Исследуя территорию, огибаю дом.

Когда-то у нас была дача. Мы с бабулей там много трудились. Огород был небольшой, но она умудрялась так разделить землю, что росло у нас почти все. Не только летом свежими овощами лакомились, еще и на зиму закатки делали. А потом бабуля умерла, и тетя Люда дачу продала.

В палисаднике Рейнера практически нет цветов. Только какие-то кустарники и множество сорняков. Я так радуюсь этой запущенности, не могу не засмеяться.

Нахожу у дальних построек мужчину и, состряпав решительный вид, требую у него ведро для мусора, грабли и сапку. До позднего вечера вожусь в земле. Чтобы прополоть и выбрать самые мелкие сорняки, пришлось опуститься на корточки, а после и вовсе на колени. Вся извазюкалась. Но грязи я не боюсь.

Страшно становится, когда в сумерках возникает высокая мужская фигура. На Рейнере сегодня черная рубашка, поэтому замечаю его, лишь когда он грозовой тучей надо мной нависает.

Сердце от страха буквально лопается. Трещинками точно идет. Микроразрывами расползается.

– Ты, на хрен, уймешься?

Бездумно комкая руками нагретую за белый день землю, смотрю на него с каким-то изумляющим меня саму вызовом.

– Н-нет.

– Не уймешься, значит?

– Нет.

Рейнер на пару секунд прикрывает глаза. Втягивая и закусывая губы, яростно сдавливает челюсти. А возобновив зрительный контакт, обманчиво спокойным тоном требует:

– Вылези из грязи.

– Я еще не закончила...

– Сейчас же, мать твою, выгреби оттуда! Иначе я тебе помогу!

Я подскакиваю. Так резко выпрямляюсь, едва равновесие не теряю. Меня шатает, и перед глазами все плывет. Однако, отступая, я не отрываю от Рейнера взгляда. Огибаю его по широкой дуге. Он за мной поворачивается.

Кружим, словно звери, не сводя друг с друга глаз.

– Я пойду в дом, если завтра смогу продолжить, – выговаривая это, незаметно оттираю грязные руки о шорты.

Он щурится и, яростно двигая челюстями, выразительно жестко втягивает носом воздух.

– Это требование?

Мне страшно до дрожи, но я... Пожимаю плечами, словно все это неважно.

– Если да?..

– Если да, то очень скоро об этом пожалеешь. Смотрю, тебе как раз по душе на коленях стоять.

На что это он, сволочь, намекает?

– Не понимаю, зачем ты так нервничаешь, – получается практически спокойно, лишь дыхание срывается.

– Не понимаешь?

– То есть... я... подумала...

– Нет, ты не подумала.

– Да...

– Что «да»?

Не нахожу достойного ответа. Я больше дышать при нем не могу. И поэтому... Я просто разворачиваюсь и позорно сбегаю. Несусь в дом с такой скоростью, какую только способна выработать.

В ванной нет замка. В чертовой ванной Рейнера нет замка!

А у меня нет сил сидеть здесь, как вчера, и ждать, когда он явится. Метнувшись обратно в спальню, вбегаю в гардеробную. Мало что соображаю, когда, словно дикий звереныш, забиваюсь под стойку с одеждой.

Да, я расстроена, обижена, зла и... от этого эмоционального замеса снова плачу. Веду себя, как ребенок. Сама понимаю, а успокоиться не могу. Прижимая к губам грязные ладони, нутужно всхлипываю в ожидании Андрея. Но из-за собственных рыданий не слышу, когда он появляется. Цепенею при виде сверкающих мужских туфель. Плач в горле комом застревает.

Рейнер дергает вешалки в стороны и впивается взглядом в мое перепачканное зареванное лицо.

– У тебя проблемы с головой? – интересуется на полном серьезе.

Даже если от этого зависит моя дальнейшая жизнь, все равно ни слова выдохнуть не способна. Зато стоит ему потянуть меня из укрытия, я, действуя непонятно на каких инстинктах, бью его лбом в нос.

– Мать твою... – грязно ругаясь, выпускает меня из захвата и прижимает к лицу ладонь.

Не теряя ни секунды, в дверь ломлюсь, но не успеваю и двух шагов сделать. Рейнер перехватывает меня рукой под грудью и, отрывая от пола, тащит в ванную. Там, проворачивая, от себя буквально отбрасывает.

Развернувшись, всматриваюсь в его расвирепевшее лицо.

– Что ты, мать твою, вытворяешь?

– Извини, – сама в полнейшем шоке от своего поведения. – Я не хотела тебя бить... И злить... не хотела... Ты меня расстраиваешь! И заставляешь сильно нервничать.

– Каким, блядь, образом?

– Одним своим видом...

Андрей застывает. Щурясь, всматривается в мое чумазое лицо. Стыдно, ведь сейчас трудно разглядеть во мне человека.

Боже, да что со мной такое?! Почему я веду себя как дикарка?

– Извини, – повторно выталкиваю, в этот раз как-то слишком яростно.

Словно он обязан меня прощать... Боже...

– Сейчас ты снимешь тряпье, тщательно смоешь все это дерьмо и вернешься в спальню голой, – проговаривает он заметно спокойнее, но не смягчая голос ни на грамм. Напротив, режет по нервам резкими интонациями. – Посмеешь до моего прихода надеть хоть что-нибудь, будет другой разговор.

Грохот, с которым он закрывает дверь, оглушает. Стены дрожат, не выдерживая этой ярости. А уж я... Обхватывая себя руками, даю себе пару минут, чтобы отдышаться и взять тело под контроль.

Оставленные указания выполняю, не прекращая дрожать. Насухо вытираюсь и, избегая зеркал, сгорая от стыда, покидаю ванную. Даже в пустой спальне чувствую себя ужасно некомфортно обнаженной. Что же начнется, когда он вернется?

Почему при мысли об этом я так сильно волнуюсь? Не боюсь, нет... Это совсем другое. Кожу мурашками стягивает, а внизу живота горячо и щекотно становится.

Что теперь со мной будет? Что?

Оставаясь абсолютно голой, я жду Рейнера на протяжении двух часов. Напряжение горячим кольцами все внутренности сдавливает. Дышать не позволяет. С трудом эту функцию выполняю. Такую усталость ощущаю... Ключу носом и периодически, секунд на пять, проваливаюсь в беспамятство. Упорно пытаюсь оставаться в сознании, но больше не могу сопротивляться. Очень хочу спать... Отключаюсь. Но сон мой длится недолго...

Глава 6. Барби

Ты одинока, разбита,

Ты обнаженная кукла.

© Skillet «Шепот в темноте»

Мой сон никогда не являлся слишком чутким, но сейчас едва различимый скрип отворяемой двери в одно мгновение вырывает меня из дремы. Резко принимая сидячее положение, не могу сдержать порыв прикрыть наготу. Сдвигаю ноги и скрещиваю на груди руки.

Рейнер подходит к подножью и замирает. Прежде чем заговорить, обжигает мое обнаженное тело настойчивым и словно бы голодным взглядом.

– Выспалась? Пришло время установить правила твоего нахождения в этом доме.

У меня нет времени не то что ответ придумать. Он не дает ни секунды на осознание и принятие этого сообщения. Обхватывая горячими пальцами лодыжку, дергает меня к самому краю кровати. Падая на спину, вскрикиваю. Ноги ожидаемо разъезжаются, но беспокоиться об этом мне некогда. Еще рывок, в этот раз за запястья, и я сваливаюсь с постели на пол. Тяжело дыша, изумленно рассматриваю темную ткань мужских брюк. Замешкавшись, невольно принимаю свое перед ним унижительное положение.

– Ты куда? – он... Он, черт возьми, смеется! – Вставай, давай.

Не дожидаясь, пока я смогу это сделать, тянет выправленную рубашку за ворот и стаскивает ее через голову. А я, сменяя очередной оттенок красного на самый жгучий бордовый, машинально скольжу взглядом по его обнаженному животу. Под смуглой кожей напряженно сокращаются рельефные мышцы. За пояс брюк тянется темная дорожка волос, а выше к груди ползут черные штрихи татуировки, но я не решаюсь ее разглядывать. Замираю в том же положении.

– Собираешься подниматься? – та же насмешка, но голос ощутимо ниже становится и как будто забивает мое восприятие хрипотой.

Звякает пряжка ремня, и я с безудержным волнением понимаю, что он расстегивает брюки. Каждая секунда происходящего настолько шокирует, никак не могу выработать необходимую реакцию. Он тянет вниз молнию и, раздвигая ткань, спускает белье. Я не способна пошевелиться и отвести взгляда, следовательно, этот проклятый Рейнер без каких-либо церемоний знакомит мое потрясенное сознание с... мужским половым членом.

Я, конечно, видела схематическое изображение в учебнике по биологии. Господи, я ведь собиралась стать врачом... Хирургом... А там всякое случается. Но я никогда не предполагала, что мне предстоит увидеть подобное с такого ракурса.

Охваченная шоковой волной, просто его рассматриваю. Что тут скажешь... Похоже, у него все в порядке. Да, я пытаюсь рассуждать здраво и отстраненно. Однако... Господи, он возбужден, и он огромен!

Так... Нужно успокоиться. Ничего ужасного не происходит. Это естественно.

Боже... Андрей Рейнер возьмет мою невинность и станет моим первым мужчиной.

Подобному тому, как вчера в ванной, ему приходится помочь мне подняться.

– Успокойся и расслабься.

– Я стараюсь...

– Ничего противоестественного и ужасного я с тобой делать не собираюсь, – грубовато озвучивает то, что я и сама мгновение назад поняла. – Все по обоюдному. Тебе понравится. Я научу.

Очень сомневаюсь, но моим мнением, вроде как, не интересуются. Авторитетно заявляет.

– Хорошо...

Зажимая в кулак волосы, Андрей плавно оттягивает мою голову, вынуждая встретиться взглядом. Наклоняясь, почти касается лицом опаленной смещением щеки. Тянет носом мой запах, а я от этого звериного маневра дрожать начинаю.

Лихорадочно ищу внутри себя какие-то подсказки относительно того, что должна делать. Если не в сознании, то на инстинктах ведь должно быть заложено.

Я много лет нравлюсь ему. Именно эту спасительную мысль подталкивает мой воспаленный разум на пике нервного истощения. И я, с неведом откуда взявшейся расчетливостью, понимаю, что должна воспользоваться этим по максимуму.

Подступаю ближе. Андрей не сводит с меня напряженного взгляда, а я под напором этой темноты на мгновение застываю.

Выполняя следующий бросок, будто душу теряю. Да... Закладываю дрожащие руки ему за шею и самовольно прижимаюсь. Я голая и беззащитная. Он обнаженный и возбужденный. Соприкасаемся и какой-то ошеломляющий физический процесс запускаем. Отчаянно игнорируя выстреливающие под кожей электрические разряды, прячу у него на груди лицо. Зажмуриваюсь и порывисто шепчу, надеясь, что он меня слышит:

– Мне страшно, Андрей... И очень стыдно... Я нервничаю из-за тебя... А когда я нервничаю, я... говорю глупости и творю... глупости... Помоги мне...

Чувствую, что удивила. Шумно выдыхает и цепенеет Рейнер. Всем телом буквально каменеет. Ощущая, какой силой наливаются его мышцы, в который раз поражаюсь, насколько опасным может быть мужчина.

Будь хитрее, Тата... Даже зверя можно приручить...

– Первое и единственное правило... – начинает он и тут же берет паузу, чтобы выдохнуть и прочистить горло. – Ты должна слушать, что я тебе говорю. Выполнять беспрекословно. Даже если не понимаешь, зачем и почему. Походу

втянешься.

Забитая, затурканная, всеми обиженная девочка внутри меня тотчас спину выпрямляет и поднимает голову. Не знаю, почему мне так важно отстаивать свои права и чувства перед Рейнером. Обычно я молча глотаю негодование и подстраиваюсь под желания других людей. С Андреем же «эта девочка» заставляет меня говорить открыто и, не смотря ни на что, переть до конца.

– Только в постели, Андрей... Вне ее слушаться не обещаю.

Он соскальзывает ладонями мне на лопатки, заходит ими под руки, и дальше следует такой захват, словно он меня переломать решил. Кажется, внутри все в кровавые комки трамбуется. Сцепляя зубы, терплю, никак не выказывая дискомфорта и безотчетного страха.

Отпускает. Громко вдыхает и выдыхает. На этом вздохе его грудная клетка с такой амплитудой поднимается и опускается, что едва не раздавливает мою. И тут молчаливо выдерживаю.

– Хорошо, – жестко хрипит Рейнер. Его ладонь возвращается мне на затылок. Приподнимаясь на носочки, поддаюсь за этим движением. Позволяю возобновить зрительный контакт. – Но горбатиться у меня ты не будешь. Увижу еще раз на коленях, в земле или с тряпкой, отхожу по голой заднице.

В душе поднимается горячая волна негодования и смущения... Все это сдержать, невзирая на планы быть этой ночью покладистой, не успеваю:

– А чем прикажешь заниматься? Не могу же я сидеть сутками в комнате!

– Можешь.

– Не могу. И не стану!

– Будем воевать?

– Будем, – принимаю уверенно.

И почти сразу теряю настрой. Потому как Андрей двигается, вынуждая меня отступить.

– Не думаю, что ты выступишь против меня. Вне постели, – передразнивает мои слова.

Я лишь шумно охаю, пораженная возникающим между нашими телами трением.

– Что ты делаешь?

Глупость спрашиваю. Очевидно же, что подталкивает к кровати.

– Полгода? – то ли время тяну, то ли действительно нахожу в этом необходимость. – Потом... Ты, правда, меня отпустишь?

– Отпущу.

– Пообещай мне... Лично мне...

Рейнер отводит взгляд, закусывает губы и планомерно вдыхает. Возвращая внимание ко мне, кивает:

– Обещаю.

– Спасибо.

Подумать только, в самом деле я столько всего сейчас чувствую... Какой-то эмоциональный каламбур! Заключила сделку с дьяволом и радуюсь! Вместо того, чтобы решить, как рядом с ним выживать, не отдавая душу.

– Забирайся на кровать, Барби.

– Постой... Мне... – мне нужно научиться подчиняться таким командам.

Сейчас, я подумаю... Представлю траекторию движения, поэтапно просчитаю все, что должна сделать...

Вот только, пока я выстраиваю очередность своих действий, Рейнер сжимает мою талию и, приподнимая над полом, попросту забрасывает меня на кровать.

Глава 7. Барби

Он меня точно погубит,

Сердце моё умирает.

© Краски «Я полюбила бандита»

Я не рассчитывала, что это произойдет вот так... Слишком неожиданно, стремительно, в какой-то мере страшно... Я в замешательстве. Хочу контролировать ситуацию, но в действительности не могу понять, как правильнее реагировать. Когда Рейнер накрывает меня своим большим и твердым телом, зажмуриваюсь и концентрируюсь лишь на том, чтобы сдержать рвущее сердце и душу желание его оттолкнуть.

Мы снова соприкасаемся кожа к коже, и в таком положении это ощущается еще острее и интимнее. Он просовывает мне между ног колено, бесцеремонно разводит напряженные бедра и вдавливают в мою промежность свою каленую плоть. Я громко заглатываю воздух и широко распахиваю глаза. Трепеща ресницами, пытаюсь не прекращать дышать. Удастся с трудом. Ощущения буквально потрясают меня. Тело бьет мелкая неукротимая дрожь. Андрей горячий, словно в лихорадке, а знобит почему-то меня.

Хочу, чтобы он что-то сказал и как-то успокоил меня. Хотя мы и не влюбленные, но... Разве во время близости не происходит нечто подобное? Он же видит, что я на грани. Кто, кроме него, может помочь мне справиться с этими ощущениями?

Но Андрей, конечно же, не заточен на нежные разговоры. Ему, очевидно, абсолютно безразлично то, как я это переживаю. Он действует без каких-либо колебаний и сомнений. Совсем не ласково, даже как-то грубовато руками по телу ведет, а у меня следом все колет и нестерпимо жжет. Он словно под кожу мне забирается.

Я просто должна потерпеть. Наверное, все так делают... Вот только у меня не получается.

– Андрей... Андрей...

Не откликается. Стискивая ладонями мои бедра, жжет губами шею. Кусает, вызывая изумленный вскрик, и тотчас жадно языком проходится. Зализывает клеймо, словно зверь.

Зачем он так пугает?

Меня начинает трясти сильнее. Впиваюсь пальцами ему в плечи. Цепляюсь за разрушителя своего внутреннего баланса. Что еще остается?

Трепещу от какого-то необъяснимого первобытного страха, но это не мешает зарождаться чему-то новому. Неизведанному. Разбиваюсь от волнения потому, что не могу идентифицировать этот ноющий жар. Он возникает в груди и медленно, словно расплавленный металл, скатывается в низ живота. Оседают там странной тяжестью.

– Андрей...

Мне становится жарко и душно, будто произошло заражение, и у меня от него подскочила температура.

Это ведь ненормально... Почему так ощущается? Как с этим справляться?

– Андрей...

Его слишком много. А я слабая. Не выдержу. Чувствуя его возбуждение, отчаянно паникую. Нет, это не просто эрекция... Я знаю, что так должно быть. Это естественно. Его член... Он пугает и смущает, но все же не является самым шокирующим фактором.

Меня ошеломляет энергетика Рейнера.

Доминирующий. Нетерпеливый. Опасный. Он ведь меня просто раздавит.

Нет, я не справлюсь...

– Андрей... Давай не сегодня... Хватит...

Он накрывает ладонями мою грудь и сдавливает ее. А потом и вовсе зажимает пальцами соски. Я, преодолевая стремительную вспышку непонятного удовольствия, молча терплю. И выдерживаю. Пока он не скользит туда же губами. Ловит ртом затвердевшую вершинку и жестко всасывает. Реагирую безотчетно громко и ярко. Выгибаюсь, стону и хрипло мычу. Сама к нему ближе бьюсь. Всем телом.

С нарастающей паникой отмечаю, как между ног становится мокро и горячо. Андрей, будто об этом догадывается, скользит ладонью по внутренней поверхности бедра, чтобы проверить.

Я не могу это скрыть! И не могу это остановить.

Распахивая губы, вдыхаю и с надсадным хрипом выдыхаю. Потрясенно моргаю, пока ладонь Андрея не достигает цели. Пищу и замираю, надеясь, что все же не умру от стыда, каким бы настойчивым ни было это ощущение.

Я уже многое выдержала, переживу и это. Еще чуть-чуть... Самое страшное, конечно, не за горами. Но и то, что я ему уже позволила, нельзя так безмозгло проигрывать. Все через это проходят.

Дыхание Рейнера заметно утяжеляется. Губы возвращаются к шее. Жгут, терзают, клеймят кожу. Мое сознание рассеивается. Ощущений слишком много. Не могу понять, на чем концентрироваться. На том, как он кусает и лижет меня? Или на том, как трогает пальцами, множит и размазывает красноречивый секрет моего возбуждения и удовольствия?

Сам Андрей при этом становится еще более требовательным и беспощадным в своих действиях. Задушенно вскрикиваю, когда он проникает в меня пальцами и начинает словно бы растягивать изнутри. Такого со мной еще никто не делал. Даже гинеколог сказала, что пока в подобном осмотре нет никакой необходимости. Со стороны Андрея это ощущается унижительно и как-то странно... Не приятно, нет. Напротив, что-то на грани неприятия, но отчего-то

крайне волнующая эта грубость. Возможно, все дело в том, что в этот момент он поднимает голову и находит мои глаза.

У меня сердце сжимается. С тонким звоном вниз обрывается.

Это ведь Андрей Рейнер... Мечта моих тайных девичьих грез. Мой защитник. Мой герой. Ну почему все так? Почему он такой? Как можно быть настолько притягательным и настолько грубым одновременно? Хотя кому как не мне знать, что внешняя привлекательность не свидетельствует о внутренней наполненности.

Могу ли я представить, что все сложилось по-другому? Что он оставил криминал, не покупал меня... Могу ли... Это, конечно же, позорный самообман. А я с такой охотой цепляюсь за него...

Продолжая сканировать мое лицо взглядом, Андрей сильнее растягивает меня. Я глухо стону и инстинктивно ерзаю бедрами, сопротивляясь болезненной пульсации плоти.

Он вроде как отпускает. Но в следующий миг, все также неотрывно глядя в мои глаза, заявляет:

– Первый раз – мой.

И направляет внутрь моего тела свой член. Я чувствую его там! Он в самом начале, но уже ощущается пугающе огромным и чрезвычайно горячим. Непроизвольно зажимаюсь, но Андрей оказывает давление. Разводя мои дрожащие ноги, фиксирует их ладонями. Подаваясь бедрами, толкается до упора и без каких-либо заминок разрушает мою невинность.

Он меня размазывает.

Я вскрикиваю. Хрипом выдыхаю слезы боли и нестерпимого напряжения.

– Потерпи. Я недолго.

Прижимаясь губами к моей шее, тяжело выдыхает.

На втором толчке мой пульс критически взлетает. Сердцебиение эхом расходится. В груди пожар разгорается, трещит и шипит. Слух звенящим гулом затягивает. Кажется, я умираю, а Андрей, продолжая мощно и ритмично двигаться, вливает в мою кровь какой-то анестетик. Тело парализует. Сознание плывет. Живу только звуками. Это странное накаленное, тягуче-болезненное удовольствие вырывается из моего рта судорожными и хныкающими вскриками.

Это просто непереносимо. Невозможно терпеть. Дышать через раз получается. Делаю это натужно и громко. Хватая губами ускользающий кислород, ищу какое-то освобождение. Внизу живота все жжет и режет. Таким жаром наполняется, я уже вся мокрая. Не только там.

– Пожалуйста... – неразборчивый булькающий выдох. – Пожалуйста...

Чего я хочу? О чем прошу? Сама не понимаю.

А стоит открыть глаза и встретиться взглядом с Рейнером, окончательно себя теряю. Смотрит и будто какие-то неведомые границы стирает. Сердце сжимается, разбухает, безумно толкается в ребра.

– Андрей...

Стискивая зубы, жмурюсь, сжеживая остатки слез.

– Барби, – зовет, а я только головой мотаю. Отказываюсь отзываться. – Наташа!

Так удивляюсь этому обращению, аж глаза распахиваю. Едва сталкиваюсь с темнотой Рейнера, он запечатывает мой рот своим. В этом порыве, как и во всем остальном, особой ласки нет. Он жесткий и грубый. У меня опыта минимум, но даже я понимаю, считать поцелуем это можно с натяжкой. Это откровенное доминирование, захват территории.

Он врывается мне в рот языком, я вкус его слизываю и будто пьянею. По телу искры проносятся.

Меня дико трясет. Не находя, за что зацепиться, неосознанно скребу ногтями плечи Андрея. Не знаю, что происходит, и почему мне это нравится. Не знаю... Я

дышу им. Отзываюсь всем телом. И когда он, усиливая давление, начинает двигаться быстрее и резче, только надсадно стону ему в рот. Вздрагиваю, вздрагиваю, вздрагиваю... Ярко. Остро. Выразительно. Прийти в норму уже не могу.

И вдруг... Это мучительное пламя из меня вырывается. Затяжной вспышкой мир взрывает. Красный, красный, красный... И чернота.

Андрей отрывается от моего рта. Тяжело роняя голову мне на плечо, с протяжным хрипом стонет и затихает.

Моргая, пытаюсь понять, что именно только что произошло. Догадываюсь. Со скрипом принимаю. Заторможено с шоком справляюсь.

Не сразу замечаю, как поднимает голову Андрей. Пока в душу мне взглядом не врывается. Кажется, после произошедшего там и так полная разруха. Но, видимо, не до конца. Рейнер находит, что свернуть. Так, чтобы в груди снова заломило.

Благо длится это недолго. Он подается назад и выходит из меня. Легкостью и свободой наслаждаюсь ничтожное мгновение, потому как Андрей сходит с кровати и командует:

– В душ пойдем.

Едва ступаю в душевую кабину, Рейнер заталкивает меня в угол. Неосознанно опускаю взгляд вниз и застываю. Он в моей крови. Из меня же его семя вытекает. Обменялись. Это ведь должно было что-то значить... А не так...

Встречаемся глазами, и я неосознанно начинаю плакать.

От стыда и какого-то непереносимо острого чувства одиночества. Хочется, чтобы кто-нибудь обнял и утешил.

– Настолько плохо?

Физическая боль притупилась практически сразу, но я вру, усиленно кивая, чтобы не догадался о моих истинных чувствах. И все же по глазам вижу, что догадывается... Каменеет, дыхание задерживает и отворачивается.

– Давай. Мойся. И спать пойдем. Завтра будет легче, – голос такой холодный, ледяным ознобом накрывает.

Отворачиваюсь и, продолжая незаметно глотать слезы, намыливаюсь. Весь процесс купания проходит в режиме тишины. Слух забивает только монотонный шум воды.

Почему я? Почему он? Почему так?

Хочу... Нет, обратно домой я не особо рвусь. Эта мысль настолько поражает мое неокрепшее сознание, что слезы пропадают.

Со мной явно что-то не так... Как еще объяснить полученное, вопреки здравому смыслу, удовольствие?

В спальню возвращаемся так же молча. Я ложусь на свою половину, отворачиваюсь, укрываюсь одеялом едва не выше носа. Но согреться не получается. Меня трясет, аж зубы стучат. Это, конечно же, нервное напряжение выходит.

В спину дополнительной волной мурашек прилетает жесткий голос Андрея:

– Ты перестанешь?

– Не могу...

Шумный раздраженный вздох, и он, придавливая своей тяжелой рукой, неожиданно подтягивает меня к себе. Я пишу и протестую, решая, что он вздумал повторить.

– Замри, – цедит он, грубо укладывая меня себе на грудь.

Это непривычно, неприятно и даже странно. И вместе с тем мне сходу становится тепло. А еще... ощутимо легче.

Глава 8. Рейнер

Я видел секретные карты,

Я знаю, куда мы плывем.

© Наutilus Помпилиус «Титаник»

– Как вообще? – Сауль откладывает папку с договорами и стопорится на мне взглядом. – По морскому экспорту сам вижу. Как с остальным?

– Да как... Снова грузопоезда с кругляком[2 - Кругляк – лес, необработанная древесина.] на китайской границе мурыжат, – выбивая из пачки сигарету, поднимаюсь и отхожу к окну.

Саульский с привычным хладнокровием прослеживает мое перемещение. Задумчиво кивает и следом из-за стола выходит.

– С нашей стороны? – подкуривая, в окно смотрит.

– Угу, – глубоко втягиваю едкий дым.

– А что с документами? Порядок?

– Все доходы легализировать нельзя, – достаточно прямо отвечаю я.

Саульский усмехается и качает головой.

– Да, нельзя. Поэтому, когда ты у меня пять лет назад ссуду брал, я тебе советовал, в какие сферы лучше вложиться и где проще всего наращивать капитал.

Знаю, что несерьезно сейчас говорит. Хотя чаще всего понять юмор Сауля невозможно.

– А я сказал, что героин и шлюхи – не мое.

– И как? Сейчас, в ретроспективе, мнение не поменял? Пять лет зверем мечешься, чтобы удержать один из крупнейших субъектов городской экономики.

– Я «держу» только север леса. Не поменял.

– Ты – север, остальное – государство. Вот сейчас поговаривают, что власти хотят ввести запрет на экспорт необработанной древесины, – озвучивает то, что я и сам слышал. – Что дальше?

– А что дальше? Будем больше перерабатывать и производить. Кроме того, у морского экспорта есть свои преимущества.

Сауль молча докуривает. Думает, не спешит с выводами и советами. Потому и ценю его мнение, умеет концентрироваться. Не говорит, как бывает у других, что-либо, абы сказать. Полноценно включается в ситуацию, ставит себя на мое место и только потом сообщает, как бы сам поступил.

– Может, это тот самый знак заранее начать перестраивать работу комплекса? Уже сейчас. Понятно, что терять доход неохота. Но иногда риск не то что не оправдан. Очень опасен.

– Надо подумать. Трезвая мысль, – соглашаюсь, тормознув собственных скакунов.

– Вот и подумай. Хорошо подумай.

Вначале нулевых Сауль едва ли не весь Владивосток «держал». Много людей под ним ходило. Обзаведясь женой и детьми, как он сам рассказывает, выменял статус криминального авторитета на другие ценности. Нынче Роман Викторович законопослушный гражданин и примерный семьянин. Из каждого утюга личные фото- и видеоматериалы Саульских лезут. Видимо, людям они интересны. Я и сам, признаться, люблю бывать у них дома.

– Я тебе сейчас скажу, ты не пропускай. Отложи, подумай. Знаю, как это со стороны выглядит, когда кто-то тебе, умному и борзому, свои личные взгляды навязывает, – ухмыляется и подкуривает вторую сигарету. – Ты молодой и горячий, Рейнер. Любишь, чтобы все по-твоему было. Я это прекрасно понимаю. Сам таким каких-то десять лет назад был. Молодость, – выдыхая облако никотина, качает головой. – Будь умнее, работай на перспективу. С годами пыл поумеришь, захочется спокойной жизни. Тебе сколько сейчас?

Я, злой и невежливый, не умею благодарить. Но в тот момент определенную признательность к нему чувствую. Хоть башню рвет действовать махом и получать все и сразу.

– Двадцать восемь.

– Молодость, – повторяет и снова качает головой. – Почти как моя Юлька, – имя жены необычайно мягко выговаривает. – Она сейчас серьезнее меня под себя городские порядки метет, – усмехается. – Везде пролезет.

– И что делаешь?

– Жду, пока надоеет.

Вспоминая реактивную Саульскую, хмыкаю и сам неосознанно усмехаюсь.

– Слышал, Ставницер духом воспрял, – подкидываю, когда пауза в очередной раз затягивается. – Говорит, в боксе толковый парень появился.

– Кстати, да. На следующей неделе летим в Москву поддерживать. А ты как? С нами давай? Тоже ведь в свое время немало ринг протоптал.

– Да я так, несерьезно. Одни Олимпийские, – отмахиваюсь.

Воспоминания о секции тянут другие, неприятные фрагменты из жизни. Мать, когда меня, пятилетнего, отдавала в спорт и годами, во всем себя ограничивая, горбатилась на всю эту амуницию, явно большие надежды на меня возлагала. Не оправдал. Раскачанную силу в другое русло направил.

– Все равно. Подноготную понимаешь. Интересно вживую взглянуть на этого Егора Аравина.

– Интересно. Надо подумать. Предложение заманчивое, – подвожу итог. И сообщая, как есть: – У меня на личном сейчас перемены.

– Неужто забрал свою принцессу?

– Забрал. И, должен признать, не особо она на контакт идет.

– Воюете? – тут Саульский неожиданно смеется.

Я веселья не разделяю. От неожиданности нить этого посыла теряю. Но все же не выкручиваюсь.

– Воюем.

– Ты давай, чтобы без беспредела, – впервые Сауль конкретно давит своим мнением. – Вот с ней головой думай. Лес – это хуйня. Бабло проебёшь, новое всегда сколотишь. Для этого голова у тебя на плечах имеется. Не выгорит в одном, в другом месте обретешь. А с девчонкой мягче будь. Не жести.

– С ней я сам разберусь, – даю понять, что совета не просил.

– Разберешься, да. Вижу, что уже, молодой и борзый, не в ту степь двинул.

Да какой молодой? Вот Барби зеленая. Я же, почти тридцатилетний половозрелый мужик, всякое повидал. Опыта хапанул, будь здоров. Дураком был бы, не стоял бы сейчас здесь.

– Все под контролем, – заверяю с лихой уверенностью.

– Тогда бери девчонку в Москву. Познакомишь и заодно выгуляешь. Наверняка столицу она еще не видела.

– Ничего она не видела, – хмурюсь. – В том бараке и жизни не видела. Хочу его нахуй снести. Ставницер обещал поспособствовать.

– Давно пора.

– Да, только знаешь, как народ за годы даже к дерьму душой прикипает? Половина жильцов яростно негодуют против переселения. Купчиха – активно «за», только не думаю, что она где-то так же успешно мимикрирует под среду. Сука последняя. Вот к кому кирпичей навязать и – в Амурский. Не просто пугнуть. Утопить тварь, без сожаления.

– Понимаю. Вот это желание я очень хорошо понимаю.

– Ладно, поехал я, – делаю последнюю долгую затяжку. И выдыхаю вместе с густой струйкой дыма: – В кои-то веки домой раньше попаду.

– Тянет? – снова ухмылка с непонятным посылом. – Пораньше?

– Все под контролем, – не глядя, втрамбовываю окурок в хрустальное днище пепельницы.

– Ладно, – отступает Саульский. – Дай знать насчет Москвы. Юля будет рада женской компании.

– Позвоню.

Глава 9. Рейнер

Пускай все ложь, что ты мне говоришь,

Но все равно ты мне принадлежишь.

Крайне редко приезжаю домой засветло. Естественно, никто меня не ждет так рано. Напротив, у Барби явный расчет на то и был, чтобы успеть с нарушением режима до моего возвращения. Потому что, да, мать вашу, Виктор сообщает, что она снова в саду.

Старик Пантелей, смотритель за собаками, виновато втягивая голову, прячется между вольерами. Только он, невзирая на общий запрет, способен потакать капризам девчонки. Знает, что его не трону. Только о Барби, оказывая медвежью услугу, не подумал.

Охватывая взглядом территорию заднего двора, машинально просчитываю наличие людей. Всех словно ветром сдувает. Разбредаются, кто куда, якобы по срочным делам.

Маячившая у куста чайной розы Барби, едва завидев меня, замирает и выразительно бледнеет.

– Привет, Андрей, – идет на опережение. – А я тут... – бросив в ведро отцветший бутон, прячет секатор за спину. Наблюдает с опаской, пока подхожу к ней. – Я не в земле и не с тряпкой, – быстрым полусшепотом вещает то, что я и так способен, черт ее дери, видеть. – Это ведь ничего страшного. Можно так делать! Я не на коленях!

Какая жалость...

Да, конечно! Можно, а я не знал. Пришел ее послушать.

– Ты сейчас кого: меня или себя убедить пытаешься?

– Тебя!

Взгляд отводит, зато я стою, жру ее глазами, и никак не могу решить, что с ней дальше делать.

– Натали, Натали... Что стало с той тихой и кроткой девочкой, которую я когда-то знал?

– А может, ты ее просто не знал? – тихо подает голос и впервые внаглую, как это обычно делаю я, взглядом в душу лезет. Вздыхает, словно оружие складывает, в то время, как мне еще хочется задать ей хорошую взбучку. – Я и сейчас тихая. Это только... С тобой в меня будто черт вселяется.

– Я охренеть как польщен.

На самом деле, и правда, совсем девчонку не знаю. Нарисовал себе светлый образ, а когда понял, что не соответствует он действительности, сдуру стал силой давить, чтобы играла выдуманную мной роль. Рассчитываю, что на этой волне полностью ею завладеть получится. Дальше что? Как с ней еще разговаривать? Где якорь кидать будем?

– Андрей, я чуть с ума не сошла!

– Из-за чего, интересно?

– Андрей... Пожалуйста... – откладывая секатор на лестницу, как дите ладошки перед собой складывает и начинает конкретно упрашивать. – Разреши мне работать, пожалуйста... Я же не смогу... Честное слово, тронусь головой сидеть без дела! Я так не привыкла.

– Займись бабскими делами. Салоны, процедуры, шмот... Что там еще вам интересно?

– Не знаю, с какими женщинами ты привык общаться, а лично меня все это не интересует. Я хочу заниматься чем-то настоящим. Позволь же мне, пожалуйста! Я же согласилась... – тяжело сглотнув, явно с трудом выдерживает зрительный контакт. – Одно другому не мешает. Разреши мне. Разреши!

– Надо же, какие мы, блядь, упорные. Только голой жопой ежиков давить.

Со стороны Барби такая настойчивость действительно крайне изумляет. Никак не могу понять, что за характер у нее. В один момент пугается настолько, что слова не выдавишь, в другой – наглеет, делая замах на неведомое мне самому приоритетное положение.

В любом случае я себя пересиливать не собираюсь. Не будет она как обслуга у меня горбатиться. Не за тем ее забирал.

– Забудь, – жестко размазываю вспышку надежды в глазах девчонки.

Едва мой голос глохнет, она реветь начинает. Слезы, выплескивая осиротевшие эмоции, горохом по щекам катятся. Сука, что за человек такой? Думает, что размякну и поведусь на эти горячие слезные просьбы?

– Прекращай.

Умом понимаю, что это так не работает. Но как по-другому ее остановить – не знаю.

Барби зажимает пальцами нос, шепчет какие-то извинения и понуро плетется в сторону дома.

Я остаюсь на месте. Упираю руки в бока и, прежде чем глубоко вдохнуть, слегка откидываю голову, словно это поможет мне захватить больше кислорода. На некоторое время застываю в этом положении, никак не определяясь: грудь переполнена воздухом или эмоциями?

Склоняя голову, планомерно выдыхаю. Давление не уходит.

Чудно, мать вашу.

Иду за ней.

– Андрей Николаевич, накрывать на стол? – выглядывает из кухни Ася.

– Десять минут, и накрывай, – бросаю на ходу.

Когда в спальню вхожу, Барби вздрагивает и порывается обернуться. Ловлю ее, прежде чем успевает это сделать. Обхватывая руками поверх плеч, беру в захват. Крепко притискиваю к своей груди спиной.

– Чего ты, мать твою, страдаешь, я не пойму?

– Оставь меня... Оставь, – дергается, совершая одну за другой жалкие и безуспешные попытки вырваться. – Знаешь что???

– Что? – выдыхаю и прикусываю за шею.

Визжит звонко, в ушах закладывает. Когда языком зализываю, бурно выдыхает и дрожью идет.

– Полгода мной пользоваться не получится! Да, я буду сходить с ума от скуки и плакать! Я всегда плачу. Такая я есть! Буду плакать и умру... Я уже умираю...

– Дурь не неси, – зло цежу и отстраняюсь, чтобы крутануть лицом к себе. – После Москвы подумаю, чем тебя занять.

– После Москвы? – то ли от этого сообщения теряется, то ли от качнувшей тело слабости.

Придерживаю за плечи, в лицо ее смотрю и башней плыву, предвкушая, как через какой-то час трахать ее буду. Трахать, пока простыни под ней насквозь мокрыми не станут, пока стон на крик не сорвется и с обратной волной осипший голос ничего, кроме булькающего хрипа, выдать не сможет. Уползать на свою половину кровати будет счастливая и обессиленная. Потому что моя, как бы ни противилась. Моя она. Умом еще не понимает. Телом отзывается.

– Да. На следующей неделе летим. Подумай, что взять. Если чего-то не хватает, Виктору скажи, пусть в город свозит. Карту тебе оставляю, что захочешь – купишь.

– Но что мы там будем делать?

– Узнаешь, – выталкиваю жестче, чем должен был.

А Барби повторно заводится.

– Почему ты такой грубый? Что я тебе сделала?

– Дело не в тебе. Не принимай на свой счет. Я в принципе не настроен на долгое обсасывание пустых тем. Все узнаешь, когда время придет. Сейчас иди, умойся. Я жрать хочу.

За столом, притихшая было Стародубцева, неожиданно оживает. Как-то у нее волнами настроение идет, уже заметил. Перемолола какие-то мыслишки и вдруг решила выказать любопытство:

– А где ты был, Андрей? Эти пять лет? Как у тебя все это получилось?

– Я же сказал, что не терплю бессмысленной болтовни. Ешь молча.

Отправляю кусок мяса в рот. Встречая ее неожиданно напористый взгляд, яростно пережевываю.

– Я все же скажу, а ты послушай. Знаешь, если бы не этот гнусный договор, никогда бы с тобой не была. Я все это... Весь этот криминал осуждаю!

Прочесывает изнутри. Молодец, кукла, расстаралась. Точно в цель ударила. От страха трясется, вижу же, а все равно выдает, дура.

– Мне плевать, что ты там думаешь и осуждаешь. Не утруждайся.

От негодования ее аж на стуле подбрасывает.

– Какой же ты все-таки... Невыносимый...

– А ты выносимая? Сказал, уймись! Не доводи меня.

– Не уймись. Меня это возмущает... Почему я должна молчать? Я всю жизнь молчу! Куда меня это привело? Посмотри на меня!

Смотрю. Смотрю так, удавить готов!

– Чего ты, мать твою, добиваешься?

– Чтобы ты мне ответил. Кто ты такой, Андрей Рейнер? Почему ты такой? Почему???

– Я обычный человек, – высекаю крайне медленно. – Все хотят красивой сытой жизни, Барби. И добиваются этого, кто как может. Вот и все. Не стоит строить из себя святую. По факту ты себя еще не знаешь. Молодая потому что. Жизни еще не вкусила. Попробуешь. Сравнишь. Через полгода к вопросу вернемся.

– Я свое мнение никогда не изменю, – сердито шипит, отбрасывая салфетку. – То, каким путем ты получаешь желаемое – этому нет оправдания.

Прямо не говорит, но я, безусловно, догадываюсь, на что направлен этот выпад. Святая невинность.

– Ты бы предпочла, чтобы тебя кто-то другой купил? – спрашиваю с ухмылкой, но на самом деле мне ни хуя не смешно. – А я напому, тебя бы купили.

Бесит меня, когда язык у нее развязывается.

– Лично тебя это ничуть не облагораживает, – героически стоит.

Раскатала мне тут войну. Жанна Д'арк, блядь. За три дня, на хрен, возьму, как столицу круассанов.

За месяц точно.

– Отвечай на вопрос, – тоном и взглядом жестко давлую. – Хотела бы?

Судорожно дергается, а, начиная говорить, уже от страха голос повышает:

– Конечно же, я не хотела, чтобы меня кто-то другой покупал! Я тебе сказала, как ко всему этому отношусь.

– Вина прибухни. В прошлый раз тебе после него заметно легче было.

– Какой ты... – со скрипом отодвигает стул и выходит из-за стола.

Бегом к лестнице бросается. Я не останавливаю. Давая себе остыть, спокойно доедаю ужин.

Можно купить человека на время. Никого нельзя купить навсегда. Я пообещал, что через полгода ее отпущу. Данные кому-либо обязательства привык держать. В этой жизни слово – самая стабильная валюта. Но в случае с Барби готовлю запасной плацдарм. Через месяц-два обнаружит, что в клинике ей вкололи пустышку, сама со мной остаться захочет.

Любой ценой моей будет. Я решение принял.

Глава 10. Барби

Небо как будто другое,

Неба как будто мне мало...

© Краски «Я полюбила бандита»

Пользуясь тем, что Рейнера нет, быстро принимаю душ и, кутаясь в огромный махровый халат, крадусь обратно в спальню. Помню, что по правилам должна ложиться голой. Сегодня я уже достаточно испытывала его терпение. Боюсь продолжать провоцировать. Знаю, как это случается, когда одна мелочь поднимает разрушительную бурю.

Скидываю халат и притягиваю к груди прохладное одеяло. Оно каким-то образом разогревает и раздражает кожу. Что еще за ерунда? Что за реакции? Сажу и по новой закипаю. Злюсь на себя, на Рейнера... На ситуацию в целом!

Господи, я лишь третий день нахожусь здесь, а уже столько эмоций! Ведь я не привыкла к подобной мясорубке. Всегда была очень спокойной. Не люблю злиться, это плохое чувство. Мне в принципе чужды сильные эмоции. Они так изматывают! Как я выдержу полгода?

Андрей, как и всегда, входит в спальню размеренным твердым шагом. И вмиг заполняет собой все пространство.

На пути в ванную лишь мажет взглядом, а меня будто в пюре перетирает. В груди сердце сжимается и заходится острой пульсацией.

– Даму снова пригрузило, – заключает с едким сарказмом.

– Даму еще не отпускало.

Он вздергивает бровь и качает головой. В дверях замирает. Как-то резко ослабляя ворот рубашки, грубо бросает:

– Подготовь себя, пока меня не будет.

Дверь закрывается. Включается вода. А я все не могу пошевелиться.

Что это, черт возьми, должно означать?

Ничего толкового придумать не могу. Догадываюсь, что Рейнер клонил к чему-то постыдному и грязному. Но к чему конкретно? Откуда мне знать, как я должна готовиться? Вчера он сам все сделал. От меня ничего не требовалось.

Господи, может, ему что-то не понравилось? А я даже не поняла. И не пойму.

А вообще, какая мне разница? У меня нет никакого желания ему нравиться. Надоем, быстрее отпустит.

Обнаружив меня в том же положении, Андрей хмурится, выразительно вздыхает и улыбается. В этом оскале ни доброты, ни веселья, конечно. Он угрожающий.

– И чё сидим, дальше губы дуем?

Судорожно дергаюсь и зарываюсь глубже под одеяло. Пока съезжаю вниз, волосы по подушке взбиваются копной вверх. Выгляжу, очевидно, нелепо. Андрей продолжает с издевкой наблюдать.

Как он меня... Как он меня нервирует! Что за сволочь? Я до него совсем другим человеком была.

– Я не знаю, чего ты хочешь, – сама своему сердитому шипению удивляюсь.

– Да, – емко роняет он, подбирая с тумбочки сигареты. – До тебя все с трудом доходит.

– Я не тупая, – выпаливаю Рейнеру в спину.

Двигаясь по спальне, он тушит верхний свет. Под куполом яркого освещения остаюсь лишь я, и это еще сильнее нервирует. Особенно, когда Андрей оборачивается у окна и пронизывает меня взглядом.

– Я не говорил, что ты тупая. Упрямая, вот что имел в виду, – поясняет, вставляя меж губ сигарету. Отворяя створку, впускает в спальню ночную прохладу. А затем обыденным тоном инструкции отдает: – Я тебя уже видел. Так что вылезай из-под чертового одеяла. Ляг поперек кровати и поласкай себя. Хочу смотреть.

У меня вся кровь к лицу рвется. Щеки огнем опалает.

Он издевается? Как я это буду делать? При нем?

Андрей чиркает зажигалкой, подкуривает и глубоко затягивается. Щурясь, жестом меня подгоняет к исполнению выдвинутых требований.

Я же пошевелиться не могу. Нет, я не способна на такое! Зачем он просит??? Я, дура набитая, решила, что самое сложное позади. Но, судя по всему, он собирается поднимать планку. И, очевидно, не только сегодня.

Рейнер выдыхает густую сизую дымку, а я заторможено слежу за тем, как медленно она рассеивается.

– Давай, Барби. Шевелись, – давит интонациями.

– Не стану я ничего делать!

Не вынимая изо рта сигарету, Андрей двигается к кровати. Я сжимаюсь, дышать перестаю, функционировать... Нырять под одеяло с головой, прячусь от него, слабачка, словно дите от бабайки.

Сомнительное убежище, безусловно. Паника охватывает, когда осознаю, что не могу контролировать местоположение Рейнера. Цепенею, прислушиваясь и ожидая, когда вытряхивать меня примется.

Мамочки... Боже, как страшно! Мама!

Хрипловатый мужской смех ознобом на моей коже оседает. Я начинаю истерить и позорно пищать еще до того, как он сдергивает одеяло.

Зажимая губами сигарету, Андрей морщится и подтягивает меня к краю кровати. Сковывая мои запястья одной рукой, второй прихватывает сигарету. Прохаживаясь по моему обнаженному телу взглядом, крайне неторопливо затягивается.

– Лады, девочка, – кривя губы, выдыхает чуть в сторону. – Сейчас по-другому разогреться будем.

– Ничего мы не будем. Вообще ничего!

Я была согласна потерпеть, как вчера, но своими мерзкими командами он меня разозлил.

– Ты уверена?

Нет, не уверена.

– Да, уверена.

– Мне напомнить, о чем мы вчера договорились? Ты обещала внимать всему, что говорю. Я с тобой что угодно делать могу, понимаешь? Вообще все. Сама согласилась, – извещает Рейнер спокойно, но от этого не менее грубо. – Член к твоим губам приставлю, будешь сосать. Будешь, – заверяет. Со стыда сгораю, но взгляда от него оторвать не могу. – Никуда не денешься. Тебе еще и понравится.

Воздухом давлюсь. Натужно его выдыхаю. Ничего возразить не получается. Вообще ничего не получается.

Зато Андрей, не сводя с меня потяжелевшего взгляда, спокойно продолжает курить.

– Что так резко замолчала? Слова закончились? Или, может, согласна проверить? М-м? Будем проверять? Обещаю глубоко не заталкивать. Сама, сколько сможешь, возьмешь.

Ну, мерзавец же! Невыносимый!

– Пусти немедленно!

– Отпущу, когда ответишь. Что выбираешь? Как на разогрев пойдем? С чего начнем?

– Первое. Ты сволочь! Я выбираю первое!

Он усмехается. Довольно так, мерзавец...

Но прежде чем отпустить, в очередной раз затягивается и зачем-то прижимается своим ртом к моему. Растеряно глотаю сигаретный дым, который Рейнер выдыхает. И тут же его собственный вкус принимаю. Он целует жадно и крепко. Освобождает запястья, но я этого даже не замечаю. Подчиняюсь, когда Андрей, усиливая давление, сжимает мой затылок и врывается мне в рот языком.

С низа живота штормовая волна поднимается. Несется вверх по груди и сладкой дрожью разбивается о ребра. Обезумевшее сердце пускается в надрывный бег. Я... Я словно пьянею. Не люблю алкоголь. Рейнера не люблю. Но эффект от обоих очевиден. Глупо отрицать. Я... Я просто сгораю. Отвечаю неуверенно, но, совершенно точно, охотно. Боже... Я хочу его целовать.

Хочу... Хочу... Хочу...

В сознании лишь дурманивший дым, который он в меня вдохнул, блуждает. Тело, пропуская сквозь себя разряды этого странного удовольствия, остро подрагивает и безумными мурашки покрывается.

Когда Андрей отпускает, пространство продолжает вращаться кругами. Я медленно, с его помощью, опадаю спиной на матрас. Столь же медленно, словно в коматозе, развожу ноги. Кладу на промежность ладонь.

Боже мой! Меня дико смущает и крайне волнует его пристальный взгляд. Осторожно скольжу пальцем между половых губ и, шумно выдыхая, останавливаюсь. Так стыдно... Я влажная. Он не может этого не увидеть, а я, инстинктивно считывая его реакцию, вопреки всему, сильнее гореть начинаю.

Глаза прикрываю и всем телом содрогаюсь.

Боже... Пусть ему быстрее надоест...

– Шире ножки, девочка.

Выполняю это приглушенное требование практически бездумно. Двигаю средний палец ниже, собираю у влагалища вязкую и горячую влагу, тяну ее к клитору. Надавливаю, желая смягчить разгорающееся томление.

Нет, нет, нет...

Да-а-а...

Удовольствие пронизывает. Прошивает, словно огненная молния. Мои движения неосознанно становятся быстрее, нетерпеливее, настойчивее. Открывая глаза, из-под трепещущих ресниц гляжу на Андрея.

Смотришь на меня? Смотри... Смотри...

Он ведь, правда, ничего не делает. Только наблюдает. Но его взгляд... Он не оставляет никаких шансов сохранять хладнокровие. Хоть какой-то контроль... Внутри все так и беснуется. Все черти вырвались. С ним играют. Манят.

Дышу громко и надсадно, словно марафонец, жаждущий вкусить победу. Я хочу... Чего?

Смотри... Смотри... Смотри...

– Умница, девочка. Красивая моя. Продолжай.

Вздрагивая на первой обжигающей волне, прикрываю глаза и действую смелее. Но желанная разрядка ускользает. Я дышу чаще, хриплю и постанываю. Знаю, что Андрей смотрит, и этого достаточно, чтобы полностью сойти с ума. Нарращиваю темп, бедрами к своим пальцам подаюсь.

Хочу, чтобы он сам меня потрогал. Хочу... Хочу...

И он словно понимает эту безмолвную мольбу. Едва его шероховатые горячие ладони ложатся на мои дрожащие колени, из меня свист вместо дыхания вырывается.

Боже, он видит меня так близко. А мне это нравится. Мне это так сильно нравится... Какое безумие, дикость, наваждение... Как пережить?

Замираю, когда одна из его ладоней скользит по внутренней стороне бедра. Накрывая мою кисть, оказывает давление на плоть. Между ним и моей порочной сердцевинкой какие-то жалкие миллиметры остаются. И я вместо того, чтобы воспротивиться такому контакту, буквально жажду, чтобы он сместился.

И он это делает. Вымазывается в моей смазке, скользит крупными пальцами к сокровенному входу.

– Продолжай.

А я боюсь, что если продолжу, не выдержу и взорвусь.

– Продолжай.

Двигаю пальцами, но уже намеренно осторожно, не задевая чувствительную вершинку слишком сильно. Пытаюсь восстановить дыхание и взять под контроль

эмоции. Не успеваю понять, возможно ли это, в принципе. Меня ударной волной хлещет, когда чувствую, как Андрей скользит между моими мокрыми пальцами языком. Размашисто лижет – раз, второй... Я до хруста выгибаюсь и очень громко стону. Почти кричу хрипом, такая буря внутри разрастается.

– Андрей...

Он дергает меня к краю кровати, пятками пол ощущаю. Глаза машинально распахиваю. Вижу, как Рейнер стягивает с себя полотенце и пристраивает к моей промежности член.

Встречаемся взглядами.

– Ох, Боже...

Он толкается. Полностью собой заполняет. И меня, как раскаленную смолу, катком раскатывает. Шумно заглатываю воздух, застываю неподвижно. Вот только тело дрожью идет. Меня всю колотит. Если бы он не насадил на себя, на пол бы свалилась. С ума схожу, когда Андрей, не давая ни секунды свыкнуться с безумным фейерверком ощущений, начинает двигаться.

С губ странные звуки срываются, но мне плевать. Я не пытаюсь справиться. В животе не просто горячо становится. Настоящее пламя разгорается. Бушует. Разрастается. Ползет дальше и дальше. Лижет обжигающими языками грудь и скатывается горячим потоком по бедрам.

Чувствую губы Андрей на своей коже. Он жадно сминает поцелуями грудь, шею, плечи. Прикусывает сосок... Я откидываю голову, хватаю ртом воздух и кричу.

– Боже... Боже... Андрей... Андрей...

Он то резкими ударами вколачивается, то входит плавными тягучими толчками, а меня всю трясет и подбрасывает. Хочется ноги сжать. Затиснуть этот пожар. Прекратить.

Цепляюсь за Андрея. Ногтями по плечам веду. Он лишь ниже меня дергает. Уже почти вишу задницей над полом, он крепко держит за бедра и вбивается уже без

остановок.

Долгожданная вспышка. Высоковольтный разряд. Взрыв. Наивысшая точка, в момент которой я даже вдохнуть не могу. Замираю... Секундами спустя оживаю, чтобы осыпаться яркими искрами наслаждения.

Андрей с рычащим стоном выдыхает и наполняет меня своим удовольствием. О, Боже, его настолько много, что из меня начинает капать еще до того, как он прекращает движения.

Я бы совершенно точно свалилась, если бы Рейнер, прежде чем откинуться на измятую простынь рядом со мной, не двинул меня дальше по кровати.

– Короткий перекур, и продолжим, – заявляет, вставляя в рот сигарету.

Если бы не учащенное и сипловатое дыхание, вроде как совершенно спокойно изъясняется, в то время как я в себя прийти не могу.

Какой продолжим? Разве так можно?

– Мне хватит, – слабо протестую я.

– А мне – нет.

Глава 11. Барби

Можно сбиться с пути, можно просто уйти,

Можно спрятать глаза, но ты знаешь, кто я.

© Ньюша «Отображение»

Чтобы до Москвы не свихнуться, мне необходимо себя занять хоть чем-нибудь. Прошу Виктора отвезти, проведать родню. Папа радуется и хвастается

хоромами, которые им так щедро организовал будущий зять. Спрашивает, когда мы с Андреем вместе приедем.

Стоически держусь, но чувствую себя ужасно гадко. Мало того, что эта добротная квартира – не мой дом. Так еще и приобретена ценой моих свободы и гордости.

– Андрей много работает, пап. Не знаю, когда получится.

Отец, как обычно, сразу принимает на веру то, что ему говорят.

– Ну, главное, чтобы у вас ладилось. Давай чай пить.

– Как там? – шепчет тетя Люда, когда мы остаемся в кухне одни. – Рассказывай. Что-то купил тебе?

Ничего не меняется.

– Нормально. У меня все есть.

– Слушай, ну, думаю, он конкретно в тебя втюхался. Пользуйся, пока это не прошло. Выжми что-то ценное. Проси побрякушки какие-то, драгоценности... Да хоть денег, если не можешь ничего придумать. Рейнер явно готов с ними расстаться. Может себе позволить.

– Перестаньте, тетя Люд. Мне ничего не нужно. Все есть, – повторяю с дрожью в голосе.

Сама изумляюсь, замечая, что не из-за обиды это. Злюсь на нее. Так бы... Так бы и вмазала.

Отворачиваясь, смотрю в окно. Пытаюсь затушить негодование.

– Что ж ты за дура такая? – мачеха всплескивает руками, повышает голос. Спohватившись, снова на полушепот переходит: – Как ты в жизни еще устроишься? Ты же, размазня, сдохнешь без нас. Имей в виду, с отцом что случится, я с тобой возиться не собираюсь. Не маленькая. Так что подумай о

будущем, пока не поздно. Не будь такой debilкой. Замуж он тебя, конечно, не возьмет. Такие вообще вряд ли когда-либо женятся... Но... Пока есть возможность, интерес его подогревай и проси. Проси! Слышишь, что говорю? – Не дожидаясь реакции, за локоть меня шарпает, чтобы повернуть к себе силой. – Когда ебут – города дают, а кончают – сел не обещают. Все монетизируй сразу!

Меня такой гнев переполняет... Видеть ее не могу. Кроме этих жестоких похабных советов, все время в голове сидит то, что она пыталась меня продать кому-либо. Лишь бы сумму побольше урвать.

– Пустите немедленно, – впервые голос на нее повышаю.

Яростно дергаю руку. Впрочем, тетя Люда – женщина сильная, выпускает, скорее, от неожиданности.

Слепо несусь к выходу. Едва деда с ног не сбиваю.

– Осторожно, малохольная. Куда прешь? Что случилось?

Пока обуваюсь, слышу, как мачеха смачно прицокивает и отвечает своему отцу:

– Да что? Из грязи в князи. Быстро зазвездилась наша королевишна. Под мужиком своим побывала, думает, что пиздюшкой ума набралась. Старших можно не слушать. Ну-ну...

Хватаюсь за ручку и оборачиваюсь, когда из комнаты папа выходит.

– Люд, ну что ты так... – все, что он бубнит мне в защиту.

– Ой, Степ... Я же не со зла. Только добра ей хочу...

Не дослушав, вырываюсь из этого котлована. Лифт ждать даже не пробую. Заливаясь слезами, сбегая на первый этаж по лестнице. Торможу, не доходя до поста консьержа.

Все! Не буду больше терпеть такое отношение. Не буду!

Отныне лишь с собой считаться стану. Свои чувства беречь. Не других.

Ноги моей в этом доме не будет! Договор с Рейнером закончится, быстрее на улицу пойду, чем к ним.

– Виктор, вы можете отвезти меня в хорошую парикмахерскую? – спрашиваю, едва захлопнув дверь автомобиля. – Вы знаете хорошие?

– Салон, что ли? – вяло отзывается водитель и, поднимая глаза к зеркалу заднего вида, скользит по мне равнодушным взглядом. – Найдём.

Не люблю экспериментировать со своим внешним видом. Все годы принимала то, что дала природа, как должное. Никогда и мыслей не было что-то менять или, не дай Бог, как говорила моя школьная подруга, полировать и добавлять лоска. Подобные стремления мне чужды. Я из-за своей внешности и без того настрадалась. Всегда чуть ли не клеймом эта красота была.

У салона красоты с яркой вывеской «Etereo» на миг теряю решительность. Пробираясь в прохладное помещение, чувствую себя неуклюжей замухрышкой. Кажется, что вскинувшая на меня взгляд администратор, прогонит прочь, словно дворняжку.

Однако она улыбается, и я, вновь набираясь решительности, подхожу к стойке.

– Добрый день! Чем могу помочь?

– Добрый день! Я нуждаюсь в услугах парикмахера.

– Какая именно услуга вас интересует?

– Окрашивание волос. И стрижка тоже, наверное...

– Сейчас? Или на какой-то определенный день?

– Сейчас.

– Хорошо, – девушка опускает взгляд к монитору компьютера и довольно быстро с той же улыбкой информирует: – Отлично. Есть мастер, готовый вас принять. Пройдемте со мной в зал.

Три часа спустя возвращаюсь домой жгучей брюнеткой. Тетя Света за сердце хватается, когда в кухню вхожу.

– Матерь Божья! Ну и напугала меня, Натка. Не узнать тебя! Думаю, что еще за цыля?!

Ася и вовсе с открытым ртом замирает.

– А шо... – тетя Света с подбором слов теряется. – Шо это вообще за перемены, я не понимаю? Зачем? Шо ты натворила?

– Вот захотелось.

– Угу, – произносит та скептически, упирая кулаки в бока. – Сомневаюсь, шо Андрею Николаевичу эти перемены по душе придутся, – откровенно, но вместе с тем взволнованно. – Батьку... Ну, черная же... Нет, не совсем плохо. Не плачь.

– Я не плачу.

Наоборот, улыбаюсь. Мне как-то смешно от такой реакции. Представляю, что Рейнер скажет, и смеюсь.

– Непривычно-то как... Аська, чего застыла, етить твою мать?! Тесто само себя не раскатает! Андрей Николаевич вернется злой и голодный, я ему тебя скормлю!

– Да ему, вроде как, без меня есть, кого сожрать, – фыркает Ася, продолжая коситься в мою сторону. – Представляю... Сейчас закончу и голодной спать пойду. Ну, его на фиг. Еще попаду под горячую руку... Куклу испортили...

– Ты сейчас мне под горячую руку попадешь. Как тресну – в голове загудит! Штрудлями займись, баламутка проклятая!

Схватив из вазы яблоко, молча покидаю кухню и сразу же поднимаюсь в спальню. Эмоции настолько вымотали, никаких сил не осталось... Ложусь на кровать и, прижимая плод к груди, проваливаюсь в забытие, полное тревожных фантазий.

Просыпаюсь, когда в комнате уже темно. Странно, что Ася не звала на ужин. Впрочем, голода все еще не ощущаю. Бреду в ванную, чтобы умыться, и, взглянув в зеркало, сама своего отражения шугаюсь. Аж за сердце хватаюсь.

Чтобы не видеть себя, склоняюсь, как могу, низко к раковине. Плещу холодной водой в лицо. Рот ополаскиваю. Прижимаю к векам ледяные пальцы. Целенаправленно выравниваю дыхание.

Все будет хорошо.

Вот только, приведя себя в порядок, вернуться в спальню не успеваю. Дверь открывается, и в ванную входит Рейнер. Останавливается напротив, с сердитым прищуром меня разглядывает.

– Зачем ты это сделала?

Не кричит, как ожидала. Но очевидно, что понять не может. Да и привыкнуть ко мне такой сложно, знаю. Будто не я вообще...

– Зачем? – повторяет с нажимом.

Хочу выдать нечто такое злое и дерзкое, но вместо этого вдруг начинаю плакать. Резко срываюсь, сразу с надрывом.

И сама к нему бросаюсь. Подскакивая на носочки, в грудь влетаю.

– Обними... Обними... – кричу, не в силах скрыть боль и отчаяние. Я ими захлебываюсь. – Обними...

И он обнимает. Будто неуверенно, что вовсе не похоже на Рейнера. Должно быть, я в горячечном бреде додумываю.

Ощущая, как Андрей, наконец, крепче сжимает, рыдаю уже до икоты. Размазываю слезы по его идеальной рубашке.

– Я не Барби... Я не Барби... Не кукла... Ненавижу вас всех... И тебя... Тебя больше всех! Слышишь, Рейнер? Я тебя ненавижу, – кричу сквозь слезы и все теснее прижимаюсь, словно в душу ему влезть хочу.

В моей ведь война... Мне больно... Больно...

– Тихо. Я понял уже. Хватит.

– Я вас всех ненавижу... Хуже тебя нет... Нет! Ты грубый, наглый, отвратительный! Я тебя ненавижу, – ногтями шею скребу, как только до нее добираюсь. В кровь разорвать хочу. Как они меня! Как он! – Больше всех тебя ненавижу! Больше всех! Ты, черт возьми, слышишь?

– Слышу, – глухо и сипло отзывается.

– Никогда больше... Я не Барби! Никогда больше не смей меня так называть... Никогда... Что ты молчишь? – теряя остатки самосохранения, яростно бью его по плечам. Я воюю. С ним воюю так, словно, всю жизнь беспрекословно подчиняясь чужой воле, именно к этому готовилась. К войне с ним. – Что ты молчишь? Давай, ударь меня, убей, уничтожь, растопчи... Давай!!! Ненавижу тебя! Ненавижу!

Скручивая мои волосы в жгут, резко дергает назад. Второй ладонью шею ловит. Сжимая, еще дальше толкает, пока взглядами не встречаемся.

Мой надрывный ор обрывается. Только подбородок поймать не могу. Дрожит. Губы одна об другую шлепают, поджать их никак не получается.

– Уймись, твою мать, – чеканит Рейнер свирепо. Крепче стискивает горло. – Иди, умойся.

А я понимаю, что не дойду. Не дойду.

Стою и тупо пялюсь на него. Что понять хочу? Что? Я разбита.

Андрей зло двигает челюстью и грубо матерится. А затем, сгребая меня в охапку, прямо в одежде заталкивает под душ.

Вода ударяет сверху. Режет кожу острыми и холодными струями. Я жмурюсь и уклоняюсь. В поисках укрытия снова ближе к Рейнеру прижимаюсь. Цепляясь пальцами за рубашку, под подбородок ему ныряю.

Он весь напряженный, словно из камня высечен, но позволяет. Обнимать меня больше не хочет. Хорошо, что не отталкивает. Как хорошо...

Вода льет и льет, а мы просто стоим, пропитываясь ею, как жизненно необходимым веществом. Восстанавливая дыхание, зыбкое равновесие устанавливаем.

Андрей двигается, заталкивая меня глубже в кабину. Едва осознаю, что вода больше на нас не течет, вскидываю вверх руки. Приподнимаясь на носочках, висну на Рейнере. В сознании все еще туманится, когда тянусь к нему губами.

Вот только он отстраняется. Нажимая мне на шею, не дает приблизиться.

– Не нравлюсь? – ловлю взгляд.

Должна радоваться. Добилась ведь, чего хотела. Добилась...

– Дурь не неси, – выталкивает так же хрипло, как и я.

– Нравлюсь? Такой?

С этими ужасными черными космами, которые у меня самой вызывают отторжение.

– Нравишься.

Целует. Только прижимается ртом, я его вдыхаю. Жадно глотаю. Силой наполняюсь. Всем телом прикипаю. Разбиваюсь и вдавливаюсь.

Не осознаю, как отдаю Рейнеру то, что назад уже никогда не вернуть. Ни через полгода, ни через всю жизнь.

Глава 12. Барби

Дрожали стёкла, спешили часы...

© Пропаганда «Яблоки ела»

Андрей никак не комментирует то, что через три дня я возвращаюсь к своему натуральному цвету волос. Задерживает взгляд, когда встречаемся во дворе, хмурится, но ничего не говорит. Не подходит, хотя, конечно же, видит, что снова вожусь с цветами. Сворачивает к дому и скрывается внутри. А я, может, чересчур наивная, тешу себя надеждами, что даже если и злитесь, старается не срываться.

Продолжая заливать почву, в которую посадила луковицы кавказских лилий, не могу не хмуриться.

Что мне делать дальше? Я так запуталась...

Наклоняюсь ниже к земле. Стянутые в хвост волосы спадают через плечо. Ловлю их в фокус и мимолетно радуюсь, что они снова светлые. Да, я, как могу, пытаюсь отстаивать свою поломанную судьбу, но окрашивание явно дало не тот результат, на который рассчитывала. Так странно, черный цвет у меня самой вызвал разительно большее отторжение, чем у Рейнера.

– Оставь это, – вздрагиваю от неожиданности. Задумалась и не услышала, когда он подошел. Выпрямившись, неуверенно застываю. Смотрю настороженно. Не могу определиться с тем, как должна на него реагировать. – Поехали. Развеемся.

– А куда именно?

– На месте узнаешь, – Андрей кивком указывает в сторону черного автомобиля.

Ополаскиваю руки от грязи и неохотно плетусь за ним. Уже на ходу соображаю спросить:

– Может, мне нужно переодеться?

Он останавливается у машины. Оглядывает с головы до ног. А мне вдруг хочется, чтобы шорты были длиннее, а майка – не столь тонкой.

– Нет. Так сойдет, – открывает дверь и жестом подгоняет садиться.

Покорно скольжу в салон. Пока Рейнер обходит автомобиль, сама за ним наблюдаю. Впервые, в «этой жизни», вижу его в простой одежде. Он... Задыхаясь и задерживаю в груди колкий кислород. В футболке и джинсах Андрей выглядит как тот парень, которого я знала пять лет назад. Возмужал, конечно. Хотя, стоит заметить, он всегда был высоким и крепким. Знаю, что каким-то спортом занимался. Не все время на лавочке у подъезда просиживал. А мне порой, когда проходила мимо толпящихся там парней, его прямо-таки не хватало.

Боже, к чему я это вспомнила?

Да... Мне нравилось смотреть на него. И когда он смотрел, тоже нравилось... Это волновало, как я ни старалась игнорировать странные ощущения.

Сейчас в Рейнере появилась зрелая красота. Очень мужественная и... очень притягательная. Но вместе с тем, он стал жестче и суровее. И это гораздо тяжелее принять, чем все остальное.

– Пристегнись, – бросает мне, занимая водительское кресло.

Заводит мотор, только когда я выполняю это требование.

Едем молча. Не хочу строить какие-либо предположения касательно пункта нашего назначения. Уставившись в ветровое стекло, просто слежу за дорогой.

Андрей ведет машину с разумной скоростью, выглядит спокойным и расслабленным. Значит, мне тоже нечего волноваться. И все же... Когда мы

съезжаем с трассы на проселочную дорогу, ведущую в лес, безотчетно начинаю беспокоиться.

– Не бойся. Насиловать и закапывать не планирую, – очевидно, улавливает вспышку моей паники. А заметив, что я еще и смутилась, хмуро сводит брови. – Но секс у нас, безусловно, будет, – голос, как и взгляд, одномоментно меняется.

От этой густой хрипоты и манящей темноты еще жарче краснею. Отворачиваюсь и не решаюсь на него смотреть, пока автомобиль, свернув на узкую дорогу, не въезжает в самую гущу леса. Останавливаемся на небольшой поляне перед маленьким брусчатым домиком.

Андрей глушит мотор и отдает короткие распоряжения:

– Захвати в бардачке зарядное для телефона и выходи.

Когда выбираюсь из салона, он уже поднимается на крыльцо. Открывает ключом дверь и жестом приглашает входить. Ступаю несмело. Но, едва перевалившись за порог, торможу. Чувствую, как идущий позади Рейнер в спину мне впечатывается. Громко и рвано выдыхаю, когда ладонью по животу ведет. Очень низко. По лобку. Еще ниже. Останавливается. Вдавливает пальцами трикотажную ткань.

То ли в доме прохладно, то ли мне от Андрея зябко становится. Кожу дрожь стягивает, а спина мигом испариной покрывается.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Ляж, поспи, щоб у голові ото не колувало (укр.) – Ляг, поспи, чтобы в голове не рубало.

2

Кругляк – лес, необработанная древесина.

Купить: https://tellnovel.com/todorova_elena/ya-tebya-prisvoyu

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)